

Раздел VI

СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

И.Б. Бровко

Сочетал гражданский менталитет с уставной требовательностью

(Фрагменты статьи И.Б. Бровко «Я знал Г.А. Тюлина»)

Впервые я встретился с гвардии капитаном Г.А. Тюлиным в октябре 1942 г. Было это на Северо-Западном фронте в районе «демянского котла» – так тогда называлось масштабное окружение немецких войск в южной части Новгородской области. В ликвидации «демянского котла» активное участие принимали гвардейские миномётные части (ГМЧ), т.е. ракетные снаряды – РС, или, как их ещё ласково называли, «катюши».

Координационным центром боевых действий «катюш» была 3-я армейская оперативная группа ГМЧ, начальником штаба которой и был гвардии капитан Тюлин. Я же в этом штабе занимал должность начальника разведки в звании старшего лейтенанта. Мы с Тюлиным быстро подружились, у нас оказалось много общего, начиная с того, что наш путь в войну начался от Москвы, к тому же в самый трудный, можно сказать, критический для неё момент – в сентябре – октябре 1941 г.

Объединяло и сближало меня с Тюлиным и то обстоятельство, что каждый из нас, кроме военной подготовки, имел также и высшее гражданское образование. Георгий Александрович перед войной окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности «аэродинамика» и тут же, не ожидая призыва, добровольцем ушёл на фронт. Я пришёл в армию после окончания Донецкого института народного образования по гуманитарному профилю.

Скажу, что Тюлин очень умело сочетал в себе гражданский менталитет с армейской уставной требовательностью. И эту личную особенность, которая так помогала ему в общении с людьми самого разнообразного склада и характера, он пронёс через всю жизнь: от лейтенанта до генерал-лейтенанта. А вообще-то офицерский состав 3-й армейской опергруппы был подобран на удивление удачно. Как правило, все имели высшее образование – военное или гражданское.

Кроме академических военных специалистов были среди нас и отличные музыканты, поэты, художники, неплохие певцы. Не забуду, как после войны в Берлине на одном полуофициальном вечере, на котором присутствовали и немецкие специалисты, подполковник Тюлин импровизировал на фортепиано.

Т.Г. Бурмакина

Отец мой – друг мой

Мои родители прожили интересную, богатую событиями жизнь. Я не помню ни одной серьёзной размолвки или ссоры между ними. Как дорогую семейную реликвию храним мы последнюю записку, которую папа оставил маме, когда она ушла в аптеку, а его в это время забрали в больницу: «Мамуля, милая! Вроде бы около 16–16.30 меня забирают в ЦКБ. Мне кажется, мы ничего не забыли. Береги себя, Ты у нас – главная опора и сила. Крепко целую. Твой Ю. P.S. Книгу телефонов оставил. Потребуется – буду звонить».

Два разных характера и темперамента, они хорошо дополняли друг друга. Мама – энергичная, поглощённая домашними делами и всегда находящаяся в движении. Папа – спокойный, рассудительный – внешне выглядел более флегматичным. Могло показаться, что «главным в доме» была мама. Но это впечатление было обманчивым. Да – главным, но на кухне.

Несмотря на огромную загруженность по работе, папа находил время для общения с нами и всегда готов был прийти на помощь в разрешении местных конфликтов. Без его активного участия и совета не принималось ни одно семейное решение.

Считаю, что благодаря папе в семье у нас сложилась благожелательная, спокойная атмосфера. Он никогда ни на кого не повышал голоса, советы давал мягко, ненавязчиво. Если чем-то недоволен – умолкал. Это было для нас большим наказанием.

Не принято было увлекаться телевизором. Вечером – последние известия (программа «Время»), а в выходные – телефильм. Причём, заметьте, речь идёт о советском телевидении, свободном от пошлостей современного ТВ.

В нашей библиотеке много научно-технической литературы не только на русском языке, но и на немецком. Нередко я замечала, как отец внимательно читал немецкие книги, рылся в справочниках, делал выписки. Но при этом словарями никогда не пользовался, поскольку отлично знал немецкий язык. Он легко ориентировался в немецкой научной литературе по прочности, конструкциям, электрике, химии.

Вообще его любимое занятие и на московской квартире, и на даче – это чтение научных книг. Но любил и художественную литературу. Правда, современную прозу и поэзию регулярно не читал из-за острой нехватки времени. По наводке нашей или коллег иногда знакомился с популярными художественными произведениями, посещал спектакли московских театров. Из классиков обожал Гоголя. Читал и перечитывал «Сагу о Форсайтах», мне кажется, этот роман его особенно интересовал. Если ему хотелось разрядиться, отвлечься от напряжённых будней – брал в руки «Трое в одной лодке».

Когда он работал в своём кабинете, в доме без всякого принуждения соблюдалась тишина. Никто без стука не входил к нему. Он постоянно читал и писал. Телефонные разговоры всегда были деловыми, краткими. Он соблюдал это правило железно.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

Глядя на него, домашние поступали так же: каждая телефонная беседа у нас длилась не более трёх минут.

Отец всегда был моим близким другом. Я не стеснялась делиться с ним самыми сокровенными личными переживаниями и проблемами, просила у него советов и всегда их получала. Делал он это тактично, искренне.

Когда я была маленькой, на склоне дня он брал меня с собой на «вечернюю поверку». Как заместитель начальника военного института он обходил все посты, а я его сопровождала. На всю жизнь остались в памяти его неиссякаемые рассказы о птицах и далёких звёздах. Иногда мне казалось, что я слушаю волшебные сказки, а совсем скоро эти сказки превратились в реальность и стали называться пилотируемыми полётами в загадочный космос. Тогда я впервые узнала о С.П. Королёве. О людях он говорил очень увлечённо и доброжелательно. Запомнила папины слова: «Относись к людям так, как хотелось бы, чтобы они относились к тебе».

После назначения папы на ответственную работу в аппарат Министерства общего машиностроения, а затем и председателем госкомиссии по подготовке и проведению полётов в космос, времени для нашего общения стало меньше, но тем радостнее были эти встречи.

Не забыть вечеров, когда к родителям приходили гости или собиралась дружная компания папиных и маминых родственников. Эти встречи довольно часто сопровождалась домашними концертами, пели лирические и фронтовые песни. Отец очень любил и хорошо исполнял «Эх, дороги, пыль да туман...». Его сестра Ирина Александровна, подпевая брату, прекрасно аккомпанировала на пианино. Да и он сам играл на этом инструменте, любил и знал классическую музыку. Иногда брал в руки балалайку, подбирая полюбившиеся мелодии.

Когда папа вышел на пенсию и у него появилось больше свободного времени, мы стали регулярно бывать на даче в подмосковном Болшево. Даже там он соблюдал строгий распорядок дня: утром – зарядка и обтирание холодной водой, днём – занятия за рабочим столом, вечером – приятные прогулки по тогда ещё тихим улочкам дачного посёлка. Всегда тащил и нас с собой. Во время прогулок не принято было молчать, каждый мог предложить свою тему, но главным рассказчиком был отец. У него в запасе имелось множество забавных и интересных историй о пребывании на фронте, работе в Германии и, конечно, о главном деле его жизни – становлении и развитии космонавтики. Причём он никогда не повторялся. А иногда вдруг застынет и внимательно прислушивается к птичьему пению. Певчие птицы – любимое увлечение детства, которое он сохранил на всю жизнь.

Папа сделал для меня очень много. Он не только заботился обо мне, но и был хорошим наставником и воспитателем моей дочери Ани и внука Антона, привив им любовь к труду. Аня окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук, владеет тремя иностранными языками. Антон – студент третьего курса МГИМО (2004 г.).

Настали новые времена, сняты запреты с публикаций по ракетно-космической технике. Теперь уже не является секретом, чем занимались Королёв и его ближайшие сподвижники. Много нового и интересного узнала я и об отце.

Отец ушёл, но добрая память о нём сохранилась не только у меня и членов нашей большой семьи, но и у многих, с кем он работал или встречался. Я очень благодарна всем за тёплые слова и добрую память о нём.

Н.П. Прозоров

О Юре Тюлине

В 1930 г. я поступил учиться в Пермскую железнодорожную школу ФЗУ при паровозоремонтном заводе им. А.А. Шпагина. Здесь в новом коллективе 14–15-летних парней и девушек мы все скоро перезнакомились, и я приобрёл хороших товарищей, друзей.

Среди них особое место занимал Юрий Тюлин, по документам Георгий. Все кругом его звали Юрием, как и дома.

Юра выделялся среди других ребят подвижностью, чувствовалась в нём хорошее воспитание, культура, ум, начитанность, любознательность. Мы с ним настолько сдружились, что стали неразлучны: вместе занимались, играли, что-то строили. У него была большая тяга к технике; это было видно из того, как он добросовестно относился к учёбе по спецделу, к работе в учебных мастерских, в свободное время что-то конструировал.

Учились мы в группе станочников, где Юра пользовался авторитетом среди товарищей. Обучались работе на токарных, фрезерных, строгальных, сверлильных станках, проходили слесарную и кузнечную практику; надо сказать, что везло нам обоим – хорошо учились и по теоретическим, и по практическим дисциплинам: точили детали, превышая в несколько раз ученические нормы. Позднее всей группой ходили на завод им. Шпагина не только на практику, но и помогать выполнять производственную программу, случалось, и в ночную смену. Мы из кожи вон лезли, когда нам доверяли настоящее дело: не хотелось ударить в грязь лицом.

Забегая вперёд, скажу, что выпустили нас обоих из школы ФЗУ в 1932 г. с наивысшим – пятым – разрядом рабочей сетки.

Юра много читал, занимался музыкой – играл на фортепиано, держал голубей, любил животных и всё что-то строил. Помню, даже фотоаппарат сделал, и снимки получались неплохие.

Однажды он приехал со мной к нам домой на разъезд Кукетский, что в ста километрах от Перми, мой отец работал там дежурным по станции. Попав в служебное помещение, Юра увидел телеграфный аппарат Морзе, очень им заинтересовался, обо всём меня расспросил. Я с детства изучил телеграфное дело и неплохо работал на аппарате, часто помогал дежурным выписывать и передавать телеграммы. Юра задумал сделать аппарат Морзе и научиться на нём работать; стал изучать азбуку Морзе. И вот его мечта сбылась. Сначала он сделал ключ Морзе, а затем и сам аппарат (конечно, я ему помогал), на котором успешно работал.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

Что Юра задумывал, то стремился всегда доводить до конца. Это прошло через всю его жизнь!

Мне приходилось часто бывать у Юры дома, против чего его родители не возражали, а иногда и сами меня приглашали. Если садились обедать, то и меня звали за стол. Они жили на улице Ленина, в глубине двора, в деревянном двухэтажном доме на втором этаже. Во дворе на крыше сарая была Юрина голубятня. В сильные морозы голубей держали в доме, где появлялось новое потомство.

Хорошие были люди родители Юры. Отец, Александр Фёдорович, профессор агрохимии, был в 1931 г. переведён на работу в Москву, в Институт удобрений при Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Мать, Вера Павловна, работала преподавателем.

В 1932 г. летом мы с Юрой проводили Веру Павловну с двумя его сестрёнками на пароход в Казань, откуда они должны были ехать в Москву поездом. Юрий остался в Перми до окончания ФЗУ и жил вместе со мной в общежитии на Трудовой улице (ныне улица Орджоникидзе) в здании, где позже разместили Управление Пермской железной дороги.

Юра жил на стипендию. Ещё до поступления в ФЗУ он зарабатывал деньги на повседневные расходы, чтобы не просить у родителей. Сколотил себе ящик с ремнём для сапожных щёток и гуталина, надевал его через плечо и выходил на пересечение улиц Карла Маркса и Ленина, где было особенно хорошо работать чистильщиком обуви. Здесь было много таких же юных конкурентов, громко выкрикивавших: «Крем, гуталин, почистим, гражданин! Crema полна банка, почистим, гражданин!» Ловко у него получалось это дело, которое он не раз мне демонстрировал.

Ходили всей группой в кино, на субботники, осенью трудились на уборке картофеля, капусты и других овощей, на пристани разгружали баржи с арбузами.

В 1931 г. во время летнего отпуска мы с Юрой съездили в Ленинград. Жили там у моих родных на Обводном канале. Мы посетили Народный сад, где катались на американских горках, Эрмитаж, Исаакиевский собор, некоторые музеи, были в Петергофе, старались ничего не упустить. У меня с собой денег было немного (отец мало зарабатывал, мать не работала). Во многих случаях Юра платил за меня, не скупился, будучи настоящим другом, простым в обращении, никогда не зазнававшимся.

После окончания ФЗУ Юрий уехал к родителям, где, поработав токарем, окончил рабфак. Затем поступил в университет, который окончил в 1939 г., затем – в аспирантуру.

До войны мы переписывались, но в течение четырёх военных лет друг о друге ничего не знали, потеряли связь. После войны в Москве я обратился в адресный стол, пытаюсь найти Юру, но получил ответ: «В Москве не проживает» (хотя он проживал в Болшево, в 30 км от столицы). Тогда я решил найти адрес его родителей, адрес дали сразу. Так я узнал, где находится Юра, и разыскал его. Он оказался засекреченным. Сколько было радости при встрече!

После того, как я узнал, что он работает в области космических исследований и ракетной техники, я стал внимательно следить за достижениями в этой области и болеть за эту науку.

Позже мы с женой неоднократно бывали у Тюлиных, потом там побывал и мой сын. После смерти моей жены в 1981 г. я бывал в этой семье один. Юрий с женой Валентиной Михайловной всегда принимали нас с радостью, как родных. Последний раз я был у них в октябре 1988 г., жил несколько суток. Разговорам не было конца: воспоминания о прошедшем, об общих товарищах, друзьях. Мы были счастливы, что снова вместе. Видимо, чувствовали скорую разлуку, хотя Юра ни на что не жаловался. И вот его не стало...

В заключение хочу сказать: дружили мы с Юрой 59 лет. Крепко дружили, это был мой самый лучший друг.

М.Ф. Ребров

Куда улетают журавли

В ноябре 41-го стелился туман. Вьюжило. День клонился к вечеру, и быстро темнело. «ЗИС» надрывно гудел мотором, буксовал, но пробиравался вперёд. Ветви деревьев хлестали по ветровому стеклу. Временами, в низинах, колея терялась под слоем воды и льда, тогда машина почти плыла.

– Здесь! – скомандовал лейтенант Тюлин и соскочил на землю.

Гитлеровцы форсировали канал возле Яхромы и захватили деревню Перемилово. Переброшенные в этот район морские пехотинцы из 1-й Ударной армии генерала В.И. Кузнецова готовились к атаке. Но прежде должны были отработать «катюши». Для недавнего аспиранта МГУ это были первый залп и первый бой. Он не торопился давать команду «Огонь!», с кручи видел, как в Яхрому вползают колонны фашистских танков и пехоты. Когда совсем стемнело, небо озарилось яркими всполохами, и Яхрома запылала огнём...

Для каждого война началась по-своему. Каждого она застигла в разный момент его жизни, но на всех обрушилась внезапно и безжалостно, отрубив единым взмахом прошлое от настоящего, а настоящее от будущего. 25 июня по призыву Краснопресненского райкома партии Георгий Тюлин стал в строй политбойцов, а в ноябре 1941-го его назначили командиром отдельной батареи «катюш».

Домашняя куртка облегла крепкие плечи. Глаза внимательные и чуть улыбочивые в уголках. Движения быстры, точны. Впрочем, точность – это то, что я буду ещё не раз отмечать: точность в главном и точность в мелочах. В словах тоже. И за словами этими – жизнь. Не растерял он с годами твёрдости той закалки, которую получил в суровое и незабываемое военное время, навсегда остался честным, сильным духом и не для каждого удобным. Но об этом потом...

Доводилось мне и раньше встречаться с Тюлиным, много слышать о нём. Но прежние наши встречи были редки и слишком коротки. Теперь же он сказал: «Сегодня вроде бы свободный день, и, надеюсь, нам не помешают». И как-то тихо добавил: «В каждом дне только двадцать четыре часа...»

Пока хозяин хлопотал насчёт кофе, я огляделся вокруг. На стенах фотографии конструкторов, учёных, космонавтов, дарственные надписи, автографы...

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

Карта обратной стороны Луны, в шкафах – макеты ракет, лунохода, копии вымпелов, оригиналы которых лежат на Луне, Марсе, Венере. И книги – на полках, на столе...

Многое в Георгии Александровиче Тюлине необычно, но более всего – его жизнь. И эти реликвии со своими датами и событиями вписались в неё вечной памятью. А быть может, сама жизнь творила всё это, не зная усталости и преград. Он рассказывает о тех днях, что давно ушли, откатились назад, но живут в нём, словно не властно над ними время, словно всё это было вчера, ну пусть позавчера.

– Время... Журавлями белокрылыми, улетающими в дальние края, представляются мне годы, – Георгий Александрович смотрит в окно, поставив на блюдце чашечку с густым чёрным напитком. – Только журавли эти по весне возвращаются, а годы... – он улыбается. – Они остаются где-то там на вечную зимовку...

Профессору, доктору технических наук, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР Георгию Александровичу Тюлину за семьдесят. За плечами жизнь – богатейшая, до краёв наполненная событиями самого разного характера и масштаба. Меня больше интересуют не они, а он сам, хотя то и другое неразделимы. Самый трудный – разговор о личном. Всё вроде бы в человеке на виду. И всё же личная жизнь каждого из нас в чём-то анонимна. А интимная сфера обладает правом неприкосновенности. Кто-то скажет: к счастью. Пусть так, но и к несчастью тоже.

– Отец и мать. Их давно уже нет в живых, но я часто разглядываю их фотографии в старинных рамках. Это – история семьи и история страны тоже. Совсем молодым отец начал заниматься революционной деятельностью, был исключён из университета. Мать учительствовала. Дома много говорили о будущем, о новой жизни. Вот почему идеи революции были мне так близки, вот почему я мечтал о комсомоле...

Георгий Александрович вспоминает родину отца – Мстёру, чьи мастера «на двугривенном рисовали сорок угодников так, что у каждого в глазу – тридцать девять остальных», Пензу, Пермь, фабзавуч при паровозоремонтном заводе, с гордостью говорит о своей первой профессии – станочник.

– На всех станках умел. Сдавал не экзамен, а пробу. Получил пятый разряд. Так вот и начал свою биографию...

Можно провести прямую через две точки: Пермь – Москва, составляя обычную для тех лет биографию: школьник, «фэзэушник», рабочий, студент.

– В Пермь наша семья перебралась в конце 1925-го, – вспоминает Георгий Александрович. – По рекомендации академика Прянишникова отца назначили деканом агрономического факультета в университете. Жили мы на улице Ленина, дом одиннадцать... Родители мои женились по большой любви, и эта любовь выдержала испытания годами и разлукой, бедой и благополучием. Словом, верностью и честностью. Этому они учили и меня.

Георгий Александрович прохаживается по комнате и останавливается у карты:

– Судьба бросала меня по разным местам, и городов повидал много, но Пермь живёт в памяти. И полноводная Кама, и речной порт, и протяжные гудки

над застывшей водой с мазутными разводами, и знаменитая Мотовилиха с её революционными традициями. Помню и свою рабочую биографию на паровозоремонтном...

А затем рабфак, мехмат МГУ, аспирантура.

Слушаю его неторопливый рассказ и думаю: как он начал свою биографию, так её и продолжал. Продолжал каждым прожитым днём. Кто в детстве не мечтает стать волшебником? Рабфаковец Георгий Тюлин увидел исполнение своей мечты в математике – науке, в которой точность превыше всего. Иного человека, убелённого сединами, с бороздками морщин на лице, трудно, а то и невозможно представить мальчишкой. А вот каким был Тюлин много лет назад, я вижу отчётливо: горячий, непоседливый, дотошный.

...Заместитель секретаря комитета ВЛКСМ факультета – должность выборная, общественная, а спрос – по большому счёту. И за личную учёбу, и за успеваемость других, и за военно-патриотическую работу. Время требовало многого, и успевали многое. Артиллерийское дело знали все выпускники мехмата МГУ. Тюлин с товарищами ещё и штурманские премудрости освоил, летал на ТБ, занимался аэродинамикой больших скоростей, продувал модели, которые приносили инженеры из «реактивного» института – РНИИ.

В ту пору пели: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов...».

Война... Пройдя по её огненным дорогам через Подмоскowie, Валдай, Великие Луки, Невель, Польшу, подполковник Тюлин в победном 45-м вступил в Берлин. Ордена Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны (два), Красной Звезды (два), медали «За боевые заслуги», за «взятие» и «освобождение» молчаливо отвечают на вопрос: как воевал?

В Берлине Тюлин получил задание: изучить на месте положение дел в ракетном центре Пенемюнде и на подземном заводе «Дора-Миттельбау», где делали ФАУ. Предлагалось также обустроиться и ждать специалистов из Москвы. Вскоре на окраине разрушенного города появилась табличка-указатель «Хозяйство Тюлина», а затем прибыла группа инженеров, в которую входили Ю.А. Победоносцев, В.П. Глушко, Н.А. Пилюгин, М.С. Рязанский, Л.А. Воскресенский и др. В начале сентября прибыл С.П. Королёв.

При первой же встрече Королёв сказал: «А ведь мы знакомы». Вспомнили 1937 год, университетскую аэродинамическую лабораторию, заказы РНИИ. Потом они вместе «шли по следу» Вернера фон Брауна, «возились», как говорит Георгий Александрович, «с бумагами и железками».

Однажды Королёв спросил:

– Закончим здесь, уедем, чем будешь заниматься дальше?

– Я человек военный, – ответил Тюлин. – Как прикажут.

– Давай вместе делать ракеты. Интереснейшее это дело, – настаивал Королёв.

Всему наступает время. Но тогда трудно было предположить, что так оно и получится, что судьба уготовила Георгию Александровичу Тюлину ракетно-космическую стезю. Знаменитый Капустин Яр, неприветливый, необжитый, как в той фронтовой песне – «пыль да туман», холодные ночи, заморозки, а для но-

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

чёвки – палатки да кабины машин. Народ – всё больше фронтовики, познав одно лихолетье, попали в другое. В жестокие морозы и в палящий зной, в ещё недостроенных корпусах и ангарах, на раскинувшемся в безводной степи полигоне готовили «изделия» к пуску. Уродовались, обмороживались, но оставались «злыми до работы».

– Сколько раз, после долгих бессонных ночей, – вспоминает Георгий Александрович, – глотая шершавый песок и смахивая грязный пот, шептали потрескавшимися губами: «Давай, родимая, лети, отработай как следует, не уйди за бугор, сколько из-за тебя намучились, сколько вложили в тебя. Ведь ты наша жизнь...».

В лишенных эмоций официальных документах всё это называлось «натурными испытаниями» и «особо важной работой по созданию оборонной техники». Но, как сказал поэт, вдохновение необходимо в геометрии не меньше, чем в поэзии. И те, кто создавал первые межконтинентальные баллистические ракеты, были не исполнителями, а творцами. Они не «вкалывали», они делали тончайшую работу, их называли хирургами и ювелирами, и бьющий по ушам рёв ракетных двигателей, если только он не срывался, казался им песней, ласкающей слух мелодией.

Удача не должна быть случайной. Результаты испытаний просчитывают и выверяют, выверяют и вновь просчитывают. Удача – это логическое завершение инженерно-конструкторского замысла.

– А вы представляете теорию ракетостроения при полном отсутствии цифр, знаков, формул? – поднял брови мой собеседник. – Но главное всё же не цифры. Главное – энтузиазм, настрой, в котором живут и работают люди, по велению сердца и разума взявшие на себя труднейшую миссию – создать ракетный щит Родины.

– С 1954-го спутником стали заниматься, – переменял тему Тюлин. И вот вьётся виток новой истории. Истории удивительной, в одночасье словно стершей границу между фантастикой и реальностью. Впрочем, почему «словно»? Разве даже накануне события 3 октября 1957 г. все мы могли осознать суть рождения нового жильца Вселенной – спутника, и то, что это фантастическое произойдёт завтра? Нет, конечно!

Он умолкает, будто невзначай коснулся чего-то запретного. Большие ладони складываются в кулак и тяжело ложатся на стол.

– Суть не только в том, что мы сделали это первыми, – уточняет Георгий Александрович. – А в том, что в ту пору никто, кроме нас, не мог запускать, да и делать тоже, спутники большого веса, разного назначения. Страна стремилась не к рекордам, а к созданию космической индустрии и научного фундамента.

Вскоре Тюлина назначили директором созданного в 1946 г. научно-исследовательского института. Здесь всё было молодо – люди, лаборатории, административные корпуса. И ему, переполненному энергией, жизненной силой, желанием двигать дело, казалось, что в новом НИИ он сможет полнее всего проявить себя. Ведь здесь всё только складывалось. А оказалось, что ничто само по себе не складывается. Человеку всё приходится созидать самому. И это очень непросто.

Нужны люди, говорили ему, специалисты особого профиля. «Где их найдёшь, этих особых, – отвечал, – если они сами здесь не вырастут?» Люди, конечно, были. По численности, по должностям. Но были они разобщены, как светила, разъятые зиянием межзвёздных просторов. И началась череда новых испытаний на мужество и человечность. Испытаний потому, что осторожность была в цене, а смелость – на подозрении. Но ведь без принципиальности и борьбы за неё большого дела не сделаешь.

– Мы порой забываем, – продолжает Георгий Александрович, – что социалистический строй – не что-то отвлечённое и нематериальное, работающее само собой. Социализм – это живые люди, носители социалистических взглядов и отношений. А некоторых надо ещё воспитывать, приучать к правильным отношениям в нашем обществе. Проще простого найти виновного, когда речь идёт о неправильном действии. А если о недопустимом бездействии?

Наука – организм многоплановый, сложный. Ситуация такова, что в ней находят место не только гении. Норберт Винер писал, например: «Вполне вероятно, что 95 процентов оригинальных научных работ принадлежит менее чем 5 процентам профессиональных учёных, но большая часть из них вообще не была бы написана, если бы остальные 95 процентов учёных не содействовали созданию общего, достаточно высокого уровня науки». Потому и успех зависит от умения управлять «производством» учёного. С этого Тюлин и начал своё директорство. Были конфликты: и внутренние, и со смежниками. Острые, болезненные. Вероятно, где-то можно было бы и не обострять, только не терпел Георгий Александрович «дипломатических миссий». В 1961 г. его назначили заместителем министра, и, точно круги по воде, пошли разговоры, прокатился шумок: то восхищённый, то проникнутый почтительным уважением, то настороженный – теперь-де прижмёт.

Если честно, то он не очень-то радовался новому назначению. НИИ шёл в гору, работать становилось всё интереснее, а главное – он ощущал реальные результаты своего труда. Скачкообразное возрастание масштаба ответственности дополнялось тем, что Тюлин стал ещё и председателем Государственной комиссии по испытаниям и запускам ракетно-космической техники.

Байконур... В межсезонье степные ветры, споря друг с другом, никогда не затихают. Направление меняется, а характер – нет. Жёсткое постоянство.

– У ветров характер, как у людей, – замечает Георгий Александрович. – На космодроме испытываются не только ракеты – растёт и мужает сам человек, обретая высочайший профессионализм. Скажу вам: испытательная работа далеко не каждому по плечу. В ней высочайшая интуиция должна сочетаться с высочайшим умением проигрывать мысленно сложнейшие ситуации и молниеносно их анализировать. Они не просто ищут, они ищут, чтобы найти...

На первых шагах своей жизни ракеты падают, взрываются. Случается это порой много чаще, чем «допустимо». Не разберёшься в причине – не пойдёшь дальше. Потери – огромные. Не только в деньгах: «в поту и жизнях». Горечь, обида, усталость – всё смешивается в этот момент. Не секунды – месяцы напряжения.

По телевизору или в газетах космические корабли стартуют точно по расписанию, а у провожающих – беззаботные улыбки. Стыковки, посадки, выход в

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

открытый космос, многомесячные рейсы к далеким планетам – все вроде бы само собой. Всё как в сказке. В жизни – иначе.

Тюлин «пускал» Быковского и Терешкову, экипажи Комарова, Феоктистова и Егорова, Леонова и Беляева, «Луну-9», «Луну-16», «Луну-20», «Марс», «Венеру», проводил испытания носителя «Протон», «отвечал за другие изделия». И нередко думал, что где-нибудь в землянке под Невелем было полегче, чем здесь, на испытаниях.

Понять, вникнуть, помочь – это принцип его, «председательского» подхода к делу. И ещё: «спрямить уродливые отклонения от нормальной жизни». И не случайно на одной из подаренных ему фотографий такая надпись: «Председателю самой трудной комиссии». И подпись: «Королёв».

Как спастись от стрессов, «обрывающих сердце»? Возвращаясь из командировок, куда он убывал порой прямо из рабочего кабинета, только раз обмолвился жене, что устаёт во время испытаний, нервничает, ночами не может уснуть.

– Инсульт – естественная производная, – говорит Тюлин, используя математические термины, и уходит от этой темы, не произносит с бодрым и ложным пафосом: «Повезло, обошлось!» или «Рано или поздно все там будем». Он внимательно смотрит: зачем, мол, этот разговор? – потом спокойно и с доверием говорит: – Приговор серьёзный, но обжалованию не подлежал.

«В строй вернуться во что бы то ни стало», – решил ещё в больнице. И вернулся...

В Московском государственном университете он нашёл применение своим врождённым и обрётённым качествам. Там помнили его лекции по теоретической механике, помнили, с каким мастерством читал их Тюлин, – слушать приходили с других факультетов. А теперь – новые заботы: аспиранты, дипломники, спецсеминар, лаборатория, отдел прикладных исследований, интеграция науки с производством... Это его сегодняшние дела. Из-за них наша встреча многократно откладывалась. Я понимал ситуацию, а он всегда чувствовал неловкость.

Беседовать с ним легко и трудно. Он может по-детски часами вспоминать об отце и матери, а затем сразу переходить на волнующие сегодня весь мир темы, потом возвращаться в войну к пускам ракет Р-1, Р-2, Р-5, старту Гагарина... Откровенность и непринуждённость, свобода движений и выразительность лица делают его рассказ каким-то особым. И я ловлю себя на мысли, что всё время думаю об этой особенности. В чём она? Он очень тепло и уважительно говорит о тех, с кем сводила его судьба. Маршалы М.И. Неделин, Н.Н. Воронов, Н.Д. Яковлев, генералы А.И. Нестеренко и М.Г. Григорьев, академики С.П. Королёв, М.В. Келдыш, конструкторы, министры, директора заводов, начальники цехов... Всех в этой шеренге творцов могущества Родины перечислить сложно.

– А знаете, что роднит этих людей, столь непохожих друг на друга? – задаёт вопрос и сам же отвечает на него: – Их никогда не мучило тщеславие. Они были лишены этой весьма неприятной черты, которая заставляла человека, как говорится, из кожи лезть во имя сиюминутного успеха...

Да, всё на земле держится честным трудом. Начинается с него и им заканчивается. И годы здесь не властны. Георгий Александрович Тюлин накрепко усвоил эту истину. И поняв это, я, кажется, ответил на вопрос: что же самое глав-

ное в этом человеке? Надёжность. И, пожалуй, ещё – настойчивость. Какие бы ветры ни дули, им этого человека с его оси не свернуть.

– Я получил математическое образование, – как бы оправдываясь, говорит Георгий Александрович, – привык к числовым оценкам. Ныне за год человечество узнает больше, чем в древние времена – за тысячелетие. Это факт. Не означает ли это, что и забываем мы с такой же быстротой? Не абсолютно забываем. В мёртвой памяти книг, отчётов, компьютеров формально сохраняется всё. Но вот опытом прошлого мы забываем пользоваться. А ведь он приложим к сегодняшним нашим потребностям... И не надо всё прошлое чернить. Честных людей всегда больше...

Слушая рассуждения Тюлина о времени и о себе, я утверждался в мысли: в прошлом, к которому так ревнивы ветераны, есть чему позавидовать. Отсвет войны лежит на его рассказе о годах далёких и близких. Война властно владеет его чувствами и мыслями, ибо отняла очень многое, унесла жизни близких по крови и духу.

Прощаясь, я задержал взгляд на портрете. Генерал в парадном мундире, рядом с боевыми наградами – ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, медаль лауреата Ленинской премии. Невольно вспомнились поэтические строки о том, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». И подумал: формула – судьба может повернуться по-разному, кому как на руду написано – не для Тюлина. Он выбрал свою судьбу сам.

А.И. Суэтин

Мы – фронтовики

Познакомились мы с Георгием Александровичем и близко сошлись в пору военного лихолетья – 1942–1943 гг. Это было на Северо-Западном фронте. Несмотря на разницу в возрасте (он старше на девять лет) и в звании (он – капитан, я – лейтенант), между нами установились искренние дружеские отношения. Он был начальником штаба оперативной группы полков и дивизий ГМЧ. Мне как командиру взвода 22-го полка ГМЧ приходилось помогать ему во фронтовых условиях делать расчёты и пристрелки при планировании залпового огня «катюш».

Восхищало его умение оценивать боевую эффективность оружия, задействованного на поражение противника. По-моему, он был одним из первых, кто разработал методику расчёта и обеспечения высокой эффективности залпового огня в зависимости от дальности до цели и рельефа местности, стремился довести полученные результаты до сведения боевых расчётов и командиров. Поэтому, несмотря на беспокойное фронтовое время, регулярно проводил с нами занятия. Правильность своей методики и расчётов регулярно проверял и перепроверял. С этой целью часто бывал на наблюдательном пункте нашего

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

полка в период проведения залпов с нескольких установок и лично убеждался в их эффективности по сравнению с одиночными налётами.

Георгия Александровича очень уважал и ценил командующий опергруппой генерал-майор Ю.П. Бажанов, и я неоднократно замечал, как он, используя любой повод, поднимал авторитет своего начальника штаба, прилюдно восхищался его действиями. И не без основания. Помню, сравнительно продолжительное время Северо-Западный фронт находился в обороне. На нашем участке стараниями Тюлина были определены координаты всех важнейших участков на территории, занятой противником, районы вероятного поражения заблаговременно были «пристреляны». И действительно, всё это пригодилось позже, когда мы от обороны перешли в наступление.

На фронте в 1943 г. под Руссой, среди болот, мои боевые товарищи дружно отметили мое 20-летие. Горячо поздравил меня и Георгий Александрович, салютовав в честь юбиляра выстрелом из пистолета. Это незабываемо, хотя с тех пор прошло шесть десятилетий. Я старался ему всячески помогать и как высшую похвалу воспринимал его слова: «С Сашей всегда в разведку пойду». В этом же 1943 г. мы расстались: меня отправили на 1-й Прибалтийский фронт, его – на 2-й Прибалтийский. И встретились мы уже после войны, когда Тюлин в 1947 г. возвратился из Германии.

Но наша фронтовая дружба не была забыта. Мы часто встречались, многие праздники семьями проводили вместе. Самый торжественный праздник – День Победы. Когда Георгий Александрович стал пенсионером, мы в этот день ездили в Парк Горького, гуляли по аллеям, вспоминали боевые горячие деньки, своих друзей, павших и оставшихся в живых. Иногда к нашим встречам присоединялись знакомые нам ветераны войны, фронтовики. Для нас понятие «фронтовик» оставалось самым дорогим и близким. И неважно, кто какое звание имел. Рядом с нами, генералами, за праздничным столом часто восседал Костя Лопаткин, в военные годы – сержант, сослуживец Георгия Александровича по оперативной группе. После войны он работал в Серпухове. Его контакты с Тюлиным никогда не прерывались.

Так получилось, что среди моих друзей-фронтовиков я одним из первых обзавёлся дачей, в подмосковном Ильинском. Летом в воскресенье они часто приезжали ко мне, чтобы разрядиться, отвлечься от трудовых будней. Наведывался к нам и Георгий Александрович. Ну, это были самые весёлые часы. Он сразу включался в беседы, шутил, сыпал анекдотами, рассказами на самые разные темы.

Он всегда отличался общительностью, как сегодня говорят, коммуникабельностью. Плюс к этому – компетентность, широкий кругозор. Его хорошо знали в Совмине, ЦК КПСС, уважали многие министры, особенно из оборонных отраслей. Иногда я пользовался его авторитетом и известностью. Работая в 12 ГУ МО, прошу, бывало, его помочь выйти на министров П.С. Плешакова, Э.К. Первышина и др. Он с готовностью шёл мне навстречу, и я оперативно добывался позарез нужной аудитории.

Да он не только в моих служебных делах всегда принимал участие, но и в личной жизни я мог на него рассчитывать. Делился с ним своими радостями и

невзгодами. Помнится, в 1967 г., когда мне удалили почку, он поздним вечером прибыл в госпиталь им. Н.Н. Бурденко, чтобы узнать о моём состоянии и разведать, не требуется ли помощь. А когда через несколько лет после этого я отбывал в Киев на место новой службы, он приехал на вокзал и пожелал мне счастливой дороги.

В 1965 г., когда Георгий Александрович принимал активное участие в организации Министерства общего машиностроения (профиль – ракетно-космическая техника), многие полагали, что его назначат министром. Так считал и Королёв. Я тоже придерживался этой точки зрения. Но Д.Ф. Устинов, зная о большом производственном и административном (государственного уровня) опыте С.А. Афанасьева, именно его поставил во главе нового министерства. А первым заместителем назначил учёного-ракетчика Тюлина, имевшего боевой опыт применения ракетного оружия. В дальнейшем оказалось, что Устинов поступил весьма мудро. Наша страна, благодаря в первую очередь усилиям Минобщемаша, получила надёжный ракетно-ядерный щит и добилась высоких достижений в космонавтике. Но я уверен, что если бы во главе министерства стоял Тюлин, наши успехи в области ракетно-космической техники (РКТ) были бы не менее весомы. Здесь я не располагаю возможностью доказывать справедливость своего суждения, но то, что при Афанасьеве были допущены ошибочные дорогостоящие направления разработки РКТ, так и оставшиеся незавершёнными, – это факт (например, лунный пилотируемый комплекс, много-разовый транспортный корабль и др.).

В разговорах со мной Георгий Александрович иногда рассказывал о своих сложных взаимоотношениях с Афанасьевым. Не умаляя организаторские способности и самоотверженность министра в работе, он говорил: «Он не понимает того, что должен понимать». В первую очередь, Тюлин как первый заместитель министра имел в виду неправильную позицию министра в вопросе о разработке защищённых шахтных позиций для тяжёлых МБР с разделяющимися головными частями. Иногда у министра с его заместителем дело доходило до серьёзных стычек, правда, в служебных кабинетах они старались сдерживать эмоции, но, выйдя из министерского здания и продолжая напряжённый диалог, иногда резко бросали друг другу в лицо крепкие выражения. Да, Тюлин не был добреньким, когда речь шла о серьёзных принципиальных вопросах, и не пасовал перед начальством, защищая Дело.

Видимо, версия о недостаточном знании Тюлиным производства витала на высших этажах власти. В подтверждение этого хочу рассказать о таком эпизоде. Однажды на одной из закрытых выставок новых образцов военной техники побывал заместитель Председателя СМ СССР Л.В. Смирнов. После осмотра экспонатов состоялось небольшое застолье. Зашёл разговор о хозяйственных руководителях в оборонных отраслях промышленности. И Леонид Васильевич сказал мне, что есть у него хороший товарищ, прекрасный специалист по ракетной технике, доктор наук, имеет фронтовой опыт – Тюлин. Но вот незадача – он никогда не руководил производственным предприятием. Я, продолжал Смирнов, в своё время, будучи директором крупного завода в Днепропетровске, набил себе много шишек, вырос на своих и чужих ошибках.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

А Тюлин такого опыта не имеет. Если бы он знал производство, ему бы цены не было. Об этом разговоре впоследствии я поведал Георгию Александровичу. Он ответил: «По-другому Смирнов и не мог говорить».

Мне же приходилось неоднократно убеждаться в том, что Георгий Александрович досконально разобрался в производственных вопросах, испытаниях и эксплуатации ракетно-космических систем. Не очень компетентного человека не назначали бы председателем многих госкомиссий по запускам ракет и космических аппаратов. А ведь в состав госкомиссий нередко входили крупные руководители промышленности в ранге министров и заместителей министров, директора предприятий. И Тюлин общался с ними на равных по всем вопросам, в том числе и сугубо производственным.

Иногда вечерами он заезжал ко мне домой на улицу Заморёнова. Поужинаем, поговорим. Уже девять вечера или более того. «Ну, мне пора, – прощается он, поглядывая на часы. – Надо ещё в Реутов заехать, на завод. Там сейчас сборка идёт». Его режим труда был сродни производственному: днём – в министерстве, вечером, ночью, в выходные – в цехах. Он регулярно бывал на предприятиях Москвы и Подмосковья (Химки, Подлипки, Реутов, Загорск), часто выезжал в другие города (Пермь, Красноярск, Днепропетровск, Ленинград). Мне рассказывали, что если в министерстве или на госкомиссиях обсуждались производственные проблемы, то Тюлин никогда не был бессловесным слушателем, активно и со знанием дела задавал заковыристые вопросы, предлагал квалифицированные организационные решения. Он сам прошёл производственно-технологические университеты. Начав трудовой путь токарем в Перми, а затем изучив процессы изготовления и испытания немецких ракет ФАУ, и в дальнейшем не прекращал усваивать практику создания ракетно-космической техники. Он был настоящим знатоком цехов, заводов, лабораторий, стендов. Никто из заводчан никогда не мог упрекнуть его в некомпетентности, непрофессионализме.

Во внеслужбное время в общении с родственниками, друзьями, коллегами он был умным милейшим собеседником, искрил юмором. Играл на пианино, балалайке, пел. Был заботливым мужем и отцом, гордился дочерьми Галей и Татьяной, сыном Иваном, внуками. Шутя «сожалел», что Иван не стал заниматься техникой, а увлёкся политологией и международными отношениями. «Не в родню пошёл», – однажды с улыбкой сказал Георгий Александрович, по-видимому, имея в виду себя и деда Ивана по материнской линии – известного специалиста в области металловедения, члена-корреспондента АН СССР И.А. Одингга. Впрочем, и сам Георгий Александрович не пошёл по стопам отца – профессора А.Ф. Тюлина, агрохимика, почвоведом. «Ошибку» исправил сын Гали – Сергей Чернянский. Он, как и прадед, тоже стал почвоведом.

Георгий Александрович трезво смотрел на жизнь, на свою деятельность. Считал, что работе в министерстве необходимо отдавать все силы, а они не безграничны. Когда наступил пенсионный возраст, он сразу же подал в отставку с должности первого заместителя министра. В день ухода на пенсию его искренне чествовали коллеги. Сам Афанасьев в его адрес сказал много хороших и справедливых слов. В разных организациях ему предлагали заманчивые

должности, он благодарил, но отказывался. Его тянуло в науку, и он вернулся в альма-матер – МГУ, где в молодости познал радость от знакомства с математикой и аэродинамикой.

Прошло более десяти лет, но его не забыть. Он до сих пор стоит перед глазами: небольшого роста, с выпуклым лбом, смеющийся, готовый помочь словом и делом. Его уход из жизни – это потеря самого близкого мне человека.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.Ф. Тверецкого (1990 г.)

(Записала И.А. Тюлина)

В 1942 г. А.Ф. Тверецкий был уже генерал-майором. Зимой 1942 г. его направили на Северо-Западный фронт, где в районе Демянска была окружена немецкая группировка, но замкнуть кольцо не удалось. Было известно, что полки ГМЧ, или так называемых «катюш», были разбросаны на большие расстояния, перемешаны, от основных своих войск их отделяла река Ловать. Во многих частях не хватало снарядов.

Пробраться к полкам за реку Ловать Тверецкому оказалось нелегко. Но он всё же пробился и оказался в расположении одного дивизиона ГМЧ. Он попросил представить ему командира дивизиона, но тот оказался болен, лежал с высокой температурой в землянке. За него представился невысокий коренастый лейтенант Тюлин, который в это время исполнял обязанности командира дивизиона. Пока Тюлин докладывал об обстановке, на просеке показались немецкие танки. Тюлин без суматохи, но оперативно вывел из прикритий боевые машины, заранее подготовленные к бою. Выдав батареям угломеры и прицелы, Тюлин громко скомандовал: «Огонь!» Обычно, не при гостях, он давал эту команду пронзительным свистом, чтобы не сорвать голос, если бой затягивался. После нескольких залпов некоторые фашистские танки задымились, развернулись, ушли в лес: просека опустела. Известно, что в лесу танки не воюют. Тверецкий был очень удивлён, что так по-будничному лейтенант отогнал непрошенных гостей. Тюлин рассказал, что такие визиты бывают нередко, а снаряды надо беречь. Он распорядился возвратить машины с «катюшами» в прежние укрытия.

* * *

Генерал Тверецкий поехал представиться командующему опергруппой полков и дивизий ГМЧ генерал-майору Ю.П. Бажанову, с которым был знаком ещё до войны. Однажды Тверецкий, наведавшись в дивизион, где служил Тюлин, экспромтом пригласил его к Бажанову.

В комфортно отделанном блиндаже Бажанова царил некий аристократический дух. Здесь даже невзначай не произносили нецензурных слов. На хрупкой

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

треноге над спиртовкой нагревалась кофеварка. О Бажанове ходили слухи, что на полевые операции он выезжал в белых перчатках. Но все признавали, что это был умный профессиональный военный, прекрасный военачальник. В блиндаже было немало офицеров, вызванных для обсуждения предстоящей операции по оттеснению фрицев на самых нестабильных участках фронта. Тюлин стоял немного в стороне, карту ему было видно плохо, т.к. офицеры столпились вокруг стола. После продолжительных дебатов, уловив сущность плана и воспользовавшись паузой, Тюлин негромко вклинился в обсуждение:

– Разрешите заметить... – и внёс, по словам Тверецкого, очень дельное предложение.

– А это ещё кто? – недовольно спросил Бажанов. Тверецкий не успел представить ему лейтенанта. Тюлин взял под козырёк, круто развернулся на каблуках и направился к двери, но случайно зацепил ремнём портупеи ручку кофеварки, она опрокинулась... С такой «помпой» Тюлин выскочил из землянки и зашагал в свою часть.

Каково же было его удивление, когда спустя некоторое время Бажанов вспомнил о «шустром» лейтенанте и вызвал его. Узнал от него, что он окончил, где служил, какой опыт гражданской работы имеет... Вскоре Тюлин был переведён с повышением в штаб опергруппы нескольких дивизий и полков ГМЧ. В мае 1942 г. он был помощником начальника штаба, а в августе 1942 г. в звании капитана – начальником штаба 3-й опергруппы гвардейских миномётных частей.

Т.Н. Тимофеева

Надёжный тыл – семья

Валентина Михайловна, похоронив мужа, проживала в Старых Горках, недалеко от посёлка Болшево по Ярославской дороге. Вместе с ней постоянно были дочь Татьяна и мама Мария Петровна. Я дружила с ней с юных лет и всегда восхищалась её энергией, жизнелюбием, добротой. После окончания десятилетки, когда недалеко от её дома в Болшево организовали военный исследовательский институт НИИ-4, она устроилась туда работать расчётчицей: считала таблицы стрельб, ездила на полигон и оформляла технические материалы в соответствии с заданиями, которые ей давали коллеги, старшие по возрасту и служебной иерархии.

Её работа отличалась чёткостью и аккуратностью. Активная общественница, хорошо играла в волейбол, участвовала в соревнованиях по бегу. И даже пела в хоре отдела, где она работала. Наряду с этим училась во Всесоюзном заочном политехническом институте (ВЗПИ). Сегодня это кажется удивительным. Но тогда вся советская молодёжь вела такой активный образ жизни. Государственная система воспитания и подготовки профессиональных кадров обеспечивала успешное применение комсомольского задора и молодых сил в направлении, полезном для общества и человека.

В 1953 г. Валя окончила институт и автоматически была переведена на инженерную должность в том же НИИ-4, где заместителем начальника работал Г.А. Тюлин. Жил он в военном городке №1 с дочерью Галей, с женой был в разводе. Так получилось, что в процессе выполнения служебных обязанностей Георгий Александрович и Валентина Михайловна находились рядом.

И он, любивший обязательность в делах и сам придерживавшийся строгих принципов, обратил внимание на обаятельную, аккуратную в работе и простую в обращении сотрудницу. Что бы он ей ни поручал, естественно, в пределах её компетенции, она выполняла в срок и качественно. Поскольку она обрабатывала и обобщала техническую документацию и архивировала её, то часто по его заданию незамедлительно выдавала нужную информацию, справки. Постепенно их взаимные профессиональные интересы стали дополняться тёплыми неформальными отношениями. Всё это происходило на моих глазах, и Валя мне как подруге иногда рассказывала об их крепнущей взаимной привязанности.

В 1956 г. они поженились, и в том же году она с дочерью Татьяной переехала к мужу в городок №1. Мать Валентины, жившая недалеко от них, часто помогала им по хозяйству. А когда семья получила квартиру в Москве на улице Горького (недалеко от Белорусского вокзала в доме, где располагался магазин «Мужская одежда»), Мария Петровна почти безвыездно жила с ними. Это было весьма кстати, т.к. одной Валентине нелегко было управляться с домашними делами, поскольку она по-прежнему ездила на работу в Болшево. И я не помню ни одного случая, чтобы она опоздала или вовсе не явилась в институт.

Валентина Михайловна отличалась ровным, спокойным характером, была исключительно отзывчивой и многим своим знакомым помогла в житейских делах. Гостей, а их всегда было много, встречала с душой, не брюзжала. Часто это были высокопоставленные коллеги Георгия Александровича, работники НИИ, КБ, заводов, министерства. Из-за гостей приходилось вечером подолгу не ложиться спать, но утром она снова была на рабочем месте. В коллективе её уважали. Работала она до пенсии (1978 г.).

Поначалу родственники Георгия Александровича не очень охотно шли на контакт с нею. Но мало-помалу всё наладилось, и отношения стали просто отличными. Только Галя отошла от неё и иногда подолгу не появлялась. Георгий Александрович относился к жене с удивительным вниманием, любовью и уважением. Это было заметно, так сказать, невооружённым глазом. Он считал её хорошей хозяйкой, надёжным тылом, без которого он не смог бы сохранить свой боевой пыл в повседневной очень напряжённой работе.

Валентина Михайловна показывала мне его последнюю записку из госпиталя, которая без лишних слов характеризует их искренние, сердечные взаимоотношения. Он писал, что всё в доме держится на ней – главной хозяйке, и просил беречь своё здоровье. Валечка свыше десяти лет, до последних дней хранила эту записку любимого человека. Умерла она в декабре 2001 г. в возрасте 79 лет.

И.Г. Тюлин

Я любил отца, уважал

Мне шёл пятый год, когда отец с матерью разошлись. Я был в неведении и совершенно не ощущал этого. Отец был занят безумно – это я знал. Основная работа, частые командировки поглощали его целиком. Но в редкие свободные минутки он охотно общался со мной, интересовался моими школьными делами, особенно в области математики. Внешне его отношения с мамой были самыми дружественными.

И вдруг незадолго до запуска первого ИСЗ я узнаю от бабушки Ольги Владимировны (маминой матери), что они уже шесть лет в разводе. Этот факт врезался мне в память ещё и потому, что совпал с событием, далеко выходящим за рамки семьи. Бабушка с гордостью сообщила мне, что к спутнику мой отец имеет самое прямое отношение как один из участников его разработки и запуска на орбиту.

Да, бабушка выполнила трудную миссию, сообщив мне о разводе и подсластив горькую пилюлю. Конечно, мне было не по себе. До сих пор помню это, наверное, потому и мой рассказ об отце начался на такой грустной ноте.

Может быть, одной из причин развода (но думаю, не главной) была его фанатичность в работе, для него дело было прежде всего. У мамы его всемерная занятость, естественно, не вызывала восторга, ей приходилось трудно. Все окружавшие Королёва и Тюлина сотрудники-мужчины были трудоголиками, преданными ракетам до конца и без остатка. Свою жизнь они навсегда связали с ракетостроением, а позже – и с космонавтикой. В будни и праздники, в жаркую летнюю пору, в ненастье и морозные дни они находились на стендах и полигонах, в лабораториях и цехах, за чертёжной доской.

Этот рабочий режим мама наблюдала ещё в Германии сразу после войны. Тогда группа советских специалистов знакомилась с немецкой ракетной техникой, собирая соответствующие узлы и агрегаты и проводя испытания. Членам семей наших специалистов разрешили выехать в Германию. Приехала к отцу и мама.

Против разлада в семье очень возражали мамины родители (бабушка Ольга Владимировна, дедушка Иван Августович) и дедушка по линии отца (Александр Фёдорович). С моей точки зрения, развод был, если можно так выразиться, весьма интеллигентным. Вещи не делили, голоса не повышали. Я никогда не наблюдал ссор между отцом и матерью.

Один-два раза в месяц отец приезжал к нам, играли в бридж. За столом протекала обычная семейная беседа. Как-то мама вспомнила, что вначале, как только я родился, она назвала меня Юрием в честь папы (так все называли отца в неформальной обстановке). Но отец настоял на своём: «Иваном ему быть». Во-первых, в честь маминого отца. А во-вторых, так у нас, да и в других странах, называли русского солдата, мужественно перенёвшего все тяготы самой кровопролитной войны из тех, которые когда-либо бывали на земле. Так я стал Иваном. Мне нравится моё имя, простое, ясное. А главное – то, что именно отец дал его мне. Я любил отца, уважал его за ум, коммуникабельность, искрен-

ность. И он меня любил, всегда вникал в мои проблемы, радовался моим успехам и гордился ими.

Наши встречи не прерывались и после смерти бабушки (1961 г.) и дедушки (1964 г.). Правда, когда отец работал в Министерстве общего машиностроения и нагрузки на него как первого замминистра в конце 1960-х годов резко возросли, он стал реже бывать у нас, хотя территориально стал ближе: поменял место жительства, переехав из подмосковных Подлипков (г. Королёв) в Москву.

Неоднократно и я гостил у отца в Подлипках. Мы часто гуляли в окрестном лесочке. Помню, как-то вечером, когда подошла пора возвращаться домой в Москву, отец сказал, что меня отвезут на легковом автомобиле. Сначала мы подъехали к проходной НИИ-4. Вскоре появились С.П. Королёв, М.В. Келдыш, М.С. Рязанский. Королёв на своей машине уехал к себе на предприятие, а Келдыш с Рязанским, прихватив меня, – в Москву. Мне было тогда 13 лет, а я до сих пор отчётливо помню этот эпизод во всех подробностях. Как поётся в песне, «это было недавно, это было давно».

Отец был хорошим рассказчиком. Даже рядовые, ничем не примечательные сюжеты в его изложении выглядели красочными, необычными. А если заводил речь о событиях, связанных с космическими полётами, космонавтами, то слушать его можно было всю ночь. Однажды, рассказывал он, встречали Беляева и Леонова после полёта. На встречу прибыли члены Политбюро ЦК КПСС, министры, Королёв. Заметно было, с каким уважением все относились к А.Н. Косыгину, хотя рядом были и более высокие чины: Л.И. Брежнев, А.И. Микоян. Объяснение простое. Брежнев тогда только входил во власть, Микоян уже состарился. А у Косыгина был наработан устойчивый долговременный авторитет высококвалифицированного руководителя.

Когда я учился в МГИМО, часто заезжал к отцу (он жил тогда на улице Горького), заходил и в министерство на Миусской площади. Он расспрашивал об учёбе, в который раз сожалел, что я выбрал себе специальность из области дипломатии и международных отношений. Напоминал мне, что мои предшественники свою жизнь связали с техникой: дедушка Иван Августович был металловедом и прочнистом, членом-корреспондентом АН СССР; он, отец, влюблён в ракеты, космические полёты, баллистику, формулы.

Как же получилось, что я не пошёл по их стопам, выбрал профориентацию, не совпадающую с научно-техническим направлением? А причина, если на неё смотреть через сегодняшнюю призму, была до смешного проста: в десятом классе я влюбился в девушку – дочь дипломата. Её отец много и увлечённо рассказывал о своей работе, о разных странах, об интересных случаях из жизни дипломатов. И выбор вуза был предрешён, хотя теперь я несколько не жалею об этом. Папе, конечно, я тогда не говорил, каким образом пришло ко мне решение учиться в МГИМО.

Уже после смерти отца в 1993 г. я ездил на конференцию в Берлин. В свободные часы разыскал дом 25 на улице Килиништрассе (бывшая Бисмаркштрассе) в берлинском районе Обершеневайде. В этом доме в 1946 г. до переезда в Тюрингию (в Бляйхероде) жили отец с матерью, в то время хозяйкой там была фрау Ринг. Но в период моего посещения там жили уже другие люди.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

Мне и сопровождавшему меня немцу они показали небольшие комнаты и узенький коридорчик.

Спустя два года я снова ездил в Германию, на этот раз с мамой. Ей было интересно посмотреть на те места, где они с отцом жили в молодости. И мы гуляли по той же улице, несколько раз прошли мимо того же дома. Затем поехали на юго-запад от Берлина – мимо Дрездена, Йены, Веймара и других городков. По пути осмотрели памятник Фридриху Барбароссе, именем которого Гитлер и К^о назвали свой зловещий план завоевания Советского Союза. Приехали в небольшой город Бляйхероде. Там когда-то был секретный институт, в котором работали Королёв, Черток, Тюлин и другие советские специалисты. Нам показали этот институт, дом немецкого ракетчика Вернера фон Брауна. Нашли улицу и двухэтажный дом, где в 1946 г. имели кров и столовались мои родители. Дом небольшой – две комнаты на первом этаже и две, где жили хозяева, наверху. Хозяева по фамилии Кесслер – муж, жена, три дочери. Другие советские специалисты жили в аналогичных домах.

Мама рассказывала, что однажды от начальства пришло предписание: всех немцев из домов отселить. Это было недостаточно продуманное решение, не учитывавшее возможное ухудшение морально-психологической обстановки в условиях наступившего мирного времени. С Кесслерами у Тюлиных сложились прекрасные отношения, и не было никакого резона их менять. Вечером Георгий Александрович пришёл с работы, хмурый, ожесточённый. Позвал хозяев, рассказал о предписании, а они, оказалось, уже знали об этом. И он им заявил: «Так вот: ни вы, ни моя семья отсюда не уедут. Вы, как и жили, оставайтесь на втором этаже, мы – по-прежнему на первом. Отдаю вам наши продовольственные карточки. Нам с женой нужны только тепло и пансион». На том и порешили. К счастью, к нему никакие претензии и не предъявлялись.

Но я хочу вернуться к тому дню, когда мама и я оказались у дома Кесслеров. Рядом на огородном участке трудились люди. Мы разговорились с ними, благо немецкий язык нам знаком. Да, действительно, это дом Кесслеров, да вот и они сами. В этот момент из дома вышла женщина лет 65 с молодым человеком. Она узнала мою маму Наталью Ивановну. Оказывается, то была средняя дочь Кесслеров, фрау Лорхен, а рядом – её сын. Встреча была весьма радостной. Они подарили нам фотографию Бляйхероде, мы её храним до сих пор.

Так я, можно сказать, побывал в прошлом, удалённом от наших дней на полстолетия, прикоснулся к молодости моих родителей.

И.А. Тюлина

Мой любимый брат

С 1925 по 1932 г. наша семья жила в Перми, отец заведовал кафедрой агрохимии Пермского университета, мать преподавала химию и географию в школе и техникуме.

Летом снимали дачу в Нижней Курье или уезжали поглубже: по железной дороге до станции Ляды и ещё на телеге до деревни Котаево на реке Сылва. Юра был птицеловом, возраст – более 12 лет, я – на семь лет младше. Брат будил меня в 4–5 часов утра, и мы по высокой мокрой траве шли несколько километров по опушке леса туда, где Юра присмотрел подходящее место для тока.

Достигнув его, мы начинали расчищать ток нехитрыми инструментами, взятыми с собой. Как всегда, отличалась враждебностью крапива – жгучая, крепкая, как канат, злая... Юра рассыпал коноплю, лён и другой корм по гладкому току; сетку, аккуратно и хитро сложенную, размещал на краю тока, а серый шнур тянулся по границе тока к нам. Мы залегали на мешке в ближайших кустах.

Постепенно налетали птички: зяблики, щеглы, чечётки, чижи, реполовы, иногда – клёт с кривым клювом. Мы лежали тихо, ни шевельнуться, ни чихнуть было нельзя. Ждали, когда птицы привыкнут к обстановке. Наконец, Юрка дергал шнур, рамка стремительно взвизывалась и накрывала несколько непроторенных птичек. Пташки бились под густой сеткой, а Юра очень осторожно вынимал их и сажал в клетку или две. Потом вся поклажа размещалась в мешке, а клетки мы несли в руках. Победоносно возвращались домой.

Городская квартира наполовину была увешана клетками. Мне доверялось чистить их, кормить, поить птиц.

Иногда приходили друзья Юры или покупать птиц, или менять.

Позже, когда из коммунальной квартиры мы переехали на главную улицу им. Ленина недалеко от Разгуляя, Юра сменил увлечение: он завёл голубей. Они были разной породы, около десятка. Красиво летали кругами всё выше и выше. Друзья по ФЗУ приходили посмотреть, чаще других Коля Прозоров, будущий знатный машинист, фронтовик.

В Нижнюю Курью на Каме (ниже Перми) курсировал, как челнок, катер «Овсянники». Помню, в одно из воскресений мать с нами – двумя сёстрами – уже прорвалась сквозь толпу желающих на «Овсянники», и мы разместились на скамейке лицом к берегу. Собирались отдавать концы, вдруг видим: с горки катится некий шарик. Присмотрелись – это сбегает Юрка. Он хотел остаться играть в футбол, но изменил план. Мама обратилась к капитану с просьбой подождать мальчика. Но было поздно. Юрка, видя, что «Овсянники» отходят от причала, помчался вниз по течению по берегу, надеясь на Заимке, первой остановке, догнать нас. А это – около пяти километров. «Овсянники» вышли на середину Камы и медленно, хотя изо всех лошадиных сил, поплыли. Мать переживала, видя, что Юрка перемахивает через какие-то завалы, кое-где шлепает в ботинках по воде, чтобы не перелезть через кучи. За ним наблюдали почти все пассажиры. Когда «Овсянники» медленно причаливали на Заимке, то многие кричали капитану: «Подожди, вон бежит пацан!»

«Овсянники» задержались на пару минут, и Юрка, весь красный, сорвав дыхание, ввалился к нам, пока не убрали трап – две доски.

«Овсянники» поплыли дальше, а у Юры из носу пошла кровь.

Теперь, когда его нет с нами, я отмечаю, что Юрка, бывало, задумает, то «кровь из носу», но добьётся.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

Юра был роста небольшого, прямо скажем, невысок. Он невольно прима­нивал дылд – и сверстников, и постарше – в качестве мишени. Некоторым хо­телось отточить кулаки на его «морде». Хотя это бывало не по злости, просто – «дедовщина». Юрка научился увёртываться, а потом, исхитрившись, так дать под­дых обидчику, что тот, скорчившись, падал.

Юра окончил университет с красным дипломом: все пятёрки. Но он успевал ещё заниматься наукой: на студенческой конференции 1939 г. за работу по тео­рии вихревого сопротивления крыла он был удостоен третьей премии. Он прыгал с парашютом, получил значок парашютиста; активно участвовал в комсомоль­ской работе факультета. Мало того – с третьего курса стал посещать кружок за­падных танцев. Партнёршей у него оказалась миниатюрная Тамара Южанина, лаборантка биофака. Фигурка у неё была точёная. Эта пара стала выделяться ма­стерством, кое-где Юра с Тамарой получали призы. Тамара импонировала ему не только в танцах. На третьем же курсе он женился на Тамаре Ивановне Южаниной, она стала Тюлиной. В 1937 г. у них родилась дочь Галина. Когда дочке исполнился годик, Тамара с Галей стали жить в Тимирязевке, в нашей семье. Каждое лето Тамара уезжала в экспедиции. Юра тоже подрабатывал.

В аспирантуре Юра много занимался, а к вечеру приглашал меня прогу­ляться в Тимирязевский парк. Там была танцплощадка. Но танцевали мы не бо­лее двух-трёх танцев. Сбоку от танцплощадки в темноте высоких лип Петровско-Разумовского парка шли кулачные бои. Подбирались парочки и дубасили друг друга, в виде спорта. Юра подбирал партнёра повыше себя и покрепче. Они так рьяно боксировали голыми кулаками, норовя по большей части «в морду», что страшно было смотреть, хотелось подбежать, схватить его партнёра за ремень и оттащить. Потом кто-то падал, чаще это был не Юра. Другой считался победи­телем.

Если победителем был Юрка, мы шли погулять в дендросад. Там было тихо; в июне пели соловьи. Мы слушали ночных птиц. Юра умел им подсвистывать. Иногда недалеко от шумной танцплощадки Юра начинал имитировать славку, и эта птичка спросонья ему отвечала такими же форшлагами и трелями.

Так Юра организовывал себе краткий отдых перед сном после более чем 12-часового рабочего дня. Дочка двух-трёх лет – Галочка – спала после хлопот­ливого рабочего дня: она тоже была шустриком и играла днём до упаду.

Когда началась война, Тамара уже была со своей гидрологической экспе­дицией далеко: под г. Сковородино Амурской области. Там она оставалась и ра­ботала до 1947 г. Юра 25 июня 1941 г. подал заявление в Краснопресненский райвоенкомат о вступлении в армию и был мобилизован.

Получив повестку на мобилизацию в ряды Красной Армии, он заскочил до­мой в Тимирязевку, чтобы собрать вещи. Родители были на работе; младшая сестра – в школе. Дома были я и дочка Юры – четырёхлетняя Галя. Я стояла в дверях их комнаты, точнее – у перегородки, разделявшей комнату на две части, одна из которых была выделена для семьи Юры.

Собрав «чашки-ложки», он стал внимательно сортировать документы, спря­тал в боковой карман партбилет. Вдруг что-то упало на пол. Юра посмотрел и, прежде чем нагнуться и поднять документ, твёрдо сказал: «Из рук валится, со-

всем не годится». Прозвучало, как заклинание, чтоб больше не валилось. Подобрал, всё распределил по местам, поцеловал спящую Галю. Я пошла провожать его до трамвая.

Мне было уже девятнадцать, училась я на втором курсе механико-математического факультета МГУ. Но война помешала учёбе. В то же лето я добровольно вступила в Красную Армию в качестве медсестры. Прошла в медсанбате 330-й стрелковой дивизии от Рязани до Эльбы. По переписке с братом кое-что знала о его делах, а он знал обо мне. Если в треугольных листочках-письмах номер части и географические данные местонахождения писать буквами, а не цифрами, не озаглавливая большой буквой посёлки и города, да ещё беглым нечётким почерком, то военная цензура часто пропускала эти данные. Я знала, где воюют Юра и моя подруга – штурман ночной авиации Е.В. Рябова. В Польше мне удалось на три дня выбраться в гости в 46-й Гвардейский полк ночных бомбардировщиков, где служила Катя. В конце войны пять студенток мехмата – лётчиц (в их числе Катя Рябова) – были отмечены высокими званиями Героя Советского Союза, одна из них – Евгения Руднева – посмертно. Что касается Юры, то он всегда находился за тысячу километров, на другом фронте. Четыре года мы не виделись.

Однако наша встреча всё же состоялась – в Германии вскоре после Победы. Это было 24 мая 1945 г. – первое воскресенье, объявленное выходным днём. Раненых уже не было. Медсанбат расположился в посёлке Демниц недалеко от г. Витштока на берегу Эльбы. По другую сторону были американские войска, некоторые их представители приходили выпить и подраться с нашими военными. Драки были дружеские, но иногда с заметными повреждениями партнёров. Бывало, лежат русский и американский солдаты рядом на носилках и жмут руки друг другу, а сёстры и врачи приводят их в порядок.

В этот первый выходной многие пошли гулять, осматривать окрестности, а мне выпала «честь» быть дежурной по комнате, где я жила с двумя такими же лейтенантами медслужбы, старшими сёстрами.

Мою пол, в дверь постучали. На пороге появился коренастый невысокий подполковник с усталым, почти синюшным лицом, очень знакомым...

– Юрка?!

– Я.

Долгая пауза: глаза в глаза, как будто онемели. Потом уж начались объятия, поцелуи, восклицания, вопросы, ответы. Сумбурно, взволнованно, с перескоками. Юра объяснил, что едет на северо-запад, ему ещё ехать около пятисот километров, он сделал большой крюк, они с шофёром «виллиса» почти совсем не спали двое суток. В медсанбате он мог гостить не более суток. Я пошла на поклон к любимому санитару, Голованову, тульскому колхознику лет сорока, с буроватым лицом, но очень доброму человеку. Объяснила, что в этот первый выходной прошу организовать душевую (на дровах): приехал брат с шофёром. Конечно, Голованчик не стал отказывать и пошёл за дровами, он же взял под кровительство шофёра. Дивизионный «Фигаро», виртуозный парикмахер Гриша Летенецкий, был найден где-то в рощице. Он безотказно обработал щетину двух приезжих, что умел делать мастерски.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

После обеда Юра сознался, что засыпает на ходу. У меня с подружкой Соней была широченная кровать на двоих, где и снизу была перина, и вместо одеяла – перинка полегче, в глухом пододеяльнике. Юра уснул мгновенно. Подруги Соня и Лена где-то отдыхали, возможно, поехали на экскурсию. Под мерное всхрапывание брата я принялась гладить его форму утюгом на углях.

Вдруг после лёгкого стука дверь отворилась, и в комнату вплыл хорошо податый улыбающийся майор Сысоев, прекрасный (когда трезвый) военврач из 1109-го полка. Он редко сильно напивался, но в такие минуты становился непредсказуемым и начинал всех «воспитывать». До прихода в нашу комнату сестёр он навестил одну из комнат врачей и там «навёл порядок»: тюльпаны опустил головками вниз в хрустальную вазу, оставив сверху обрезки стеблей; огромную куклу ударил головой о зеркало...

Ввалившись в нашу комнату, он спросил:

– А кто это там спит?

– Брат. Не шумите, пожалуйста, товарищ майор, он две ночи не спал.

– Знаем мы ваших братьев! – он начал перемещать мебель, валить стулья, добрался до гимнастёрки Юры.

– Ишь ты, подполковника подцепила, тихоня!

На счастье, вернулись подружки – Соня и Лида, которые уже прослышали, что к Тюле приехал брат. Началось вытеснение Сысоева за дверь: шум, пыхтение, возня, падение утюга... Юрка проснулся:

– Что за шум, а драки нет? Встать, врезать кому-нибудь?

– Не надо, сами справимся...

Выставив Сысоева за дверь, трое сестёр схватились за медную ручку, чтобы «язычок» запер комнату. Но и со стороны Сысоева была такая же ручка, и он налёг на неё, пытаясь открыть дверь. Вдруг давление с его стороны на ручку ослабло, послышался свирепый крик:

–Я перестреляю вас, как крыс!

Слышно было, как он взводил курок, потом раздался выстрел. Соня с Лидой мгновенно шмыгнули под кровати. Тюля не смогла удержать ручку двери, и в комнату снова вплыл улыбающийся рыжий Сысоев. Уже собрались будить Юру, но тут явился дежурный по части старлей Синицын. Это врачи подняли тревогу, все слышали выстрел, так что Сысоева скрутили и увели отдыхать.

Часов в пять мы с братом на «виллисе» поехали в соседний посёлок, где была квартира генерала Гусева, командира дивизии. Юра хотел представиться, а заодно похлопотать о досрочной демобилизации сестры: пора на учёбу. Оказалось, что генерал отдыхает, т.е. спит. Ожидая его пробуждения, мы провели время среди немногочисленной военной публики, собравшейся на самодеятельные скачки. На трофейных конях артиллеристы и штабные служащие, кто умел держаться в седле, преодолевали препятствия в виде жердей, укреплённых над землёй. Один всадник не сумел чисто перемахнуть через жердь, и она наклонилась. След в след за неумелым всадником промчался велосипедист, сделав хороший прыжок (более полуметра) через наклонную жердь. Зрители бурно приветствовали парня. Заметим, что почти каждый из братьев-славян в Германии сел на велосипед, мотоцикл (много побилось) или автомобильчик.

Посещение генерала Гусева не достигло цели: он сказал брату, что ожидается указание сверху относительно частичной демобилизации военнослужащих в Германии. Самовольно же отпустить лейтенанта медслужбы он не имеет права.

На ночь большой компанией однополчан медсанбата пошли по Демницу «на огонёк». Нашли какой-то зал, где репатриированный (бывший русский военнопленный) виртуозно играл на фортепиано. Он мог играть и классику, но у него просили ритмической музыки. Под его самые модные (в Германии) фокстроты, танго, вальсы собравшиеся отплясывали до утра.

Утром Юра распрощался с новыми друзьями и со мной, пора было в путь. Весь медсанбат пришёл прощаться с братом Тюли. Голованчик подарил ему помочи, или подтяжки. У него была целая коробка трофейных подтяжек (другого он не брал), он их раздаривал и вот отдал последние, оставив одни на себе, чтобы показать тулякам трофей.

М.А. Тюлина

Воспоминания о брате

В Перми прошло моё раннее детство. Помню, у нас в доме было много клеток с птицами самых разных пород: чижи, снегири, чечётки и др. Это было хобби брата, мир его увлечений. Мне по малолетству разрешалось на птиц только смотреть.

У Юры была отличительная черта – страстное увлечение любимым делом, которым он занимался. Думаю, что эту черту он сохранил на всю жизнь. Увлекаясь чем-то, он умел увлечь и других. Моя сестра, немного старше меня, была его сторонницей и активной участницей в его задумках. Юра иногда давал ей «ответственное» поручение, которым она очень гордилась, – чистить клетки птиц. Юра был очень строг и требователен к выполнению порученных заданий, в данном случае – к безукоризненной чистоте клеток. Ирина с заданием справлялась.

Ещё вспоминается, что около дома была голубятня, где Юра тоже проводил много времени. Мне кажется, я и сейчас слышу призывный свист для голубей и вижу кучку ребят вместе с Юрой, яростно спорящих и кричащих, глядя на небо. А там появляется маленькая точка, приближающаяся к земле. «Сядет или не сядет? – волновались ребята. – Чей голубь? Наш или не наш?»

После того как голубь или стайка голубей садилась, раздавались радостные крики. Через некоторое время в небо отправлялась следующая партия. Среди своих сверстников брат пользовался большим авторитетом. «О! – говорили они, – Юра – это профессор по голубям». Так впервые Георгий Александрович получил звание «профессора», в дальнейшей жизни он это звание оправдал, но уже в другой области.

Юра всегда был очень подвижным и быстрым. Он как-то рассказывал, что они с приятелем не ходили по улицам Перми, а бегали. Если надо попасть с од-

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

ного конца города, где мы жили, на другой, противоположный, они говорили друг другу: «Бежим в Мотовилиху?» или «Бежим в Загородный сад?».

Энергичный образ жизни, наверное, укрепил его здоровье и сделал выносливым. Этому способствовала и окружающая среда: Пермь расположена на берегу Камы, и воздух там в то время был свежим и чистым. Не помню, чтобы брат чем-либо болел в юности и в молодые годы жизни.

Его кипучая энергия искала выхода. Он интересовался многими вещами. Так, у него дома была мастерская, где стоял столярный станок, были рубанки, пилки... Освоил фотографирование. В это же время учился в ФЗУ при паровозоремонтном заводе. Ему всегда было некогда, как в юности, так и потом.

Когда переехали в Москву, Юра поступил в Московский университет на механико-математический факультет. Учился и одновременно работал. Любил спорт, особенно волейбол, лыжи и теннис. Между делом окончил школу танцев.

К этому времени к его прежним чертам, характерным для юности (энергичность, энтузиазм, выносливость), добавляется ещё одна, которая тоже остаётся с ним на всю жизнь. Это огромная работоспособность, умение уйти в работу с головой, целеустремлённость.

Такой же работоспособностью и увлечённостью работой отличался и наш отец. Так что, думаю, эта черта передалась брату как бы по наследству. Отец как учёный внёс большой вклад в развитие почвоведения. Он опубликовал более ста научных трудов. Он много работал не только в институте, но и дома.

Перед войной Юра, ещё будучи студентом, женился на одной лаборантке, работавшей в университете, Тамаре Ивановне, урождённой Южаниной. У них родилась дочь – Галина. В 1941 г. ей было четыре года. Судьба сложилась так, что мать Гали в 1940 г. уехала в геолого-разведочную экспедицию на Дальний Восток.

Началась война. Юра в июне 1941 г. ушёл на фронт. Его дочь осталась на попечении наших родителей. В это время началась эвакуация из Москвы. И вот мы трое – отец, я, школьница, и внучка Галя – уехали вместе с институтом, где работал отец, в Омск. Самые трудные годы войны – с 1941 по 1944 г. – я провела там вместе с отцом и Галей. Юра во время войны всё время помнил о дочери, писал нам письма. Потом, когда мы вернулись в Москву, Галя продолжала жить в нашей семье.

Юра всегда относился к своим детям и родственникам очень ответственно и честно. У него было двое детей – дочь Галя от первого брака и сын Иван от второго. Когда он женился в третий раз на Валентине Михайловне Рыжиковой, то вскоре удочерил её 12-летнюю дочь Таню. Он заботился обо всех родственниках, в том числе, конечно же, и о своей матери.

В середине 1960-х годов Юра пользовался возможностью снимать отдельный домик в пансионате «Лесные дали». Отец к этому времени уже умер. В течение ряда лет там безвыездно весь тёплый сезон проживала наша мама. Может быть, это продлило её годы. Она умерла на 92-м году жизни. Наша мать, конечно, взяла под своё крылышко младших внуков: дочь моей сестры и моего сына. Поэтому мы с сестрой там часто отдыхали и имели возможность общаться с братом. Юра работал в это время очень напряжённо. Он приезжал с Валентиной Михайловной только на воскресенье и то не всегда.

Пансионат «Лесные дали» окружён лесом, который тогда тянулся на десять километров до самого Звенигорода. Юра стремился гулять в лесу. Помню, он говорил: «Я не понимаю, почему люди ходят в лес только для того, чтобы что-то собрать, взять у природы. Лес хорош сам по себе – своей красотой, воздухом, напоенным травами».

И ещё, мне кажется, Юре нравилось в лесу потому, что там можно было долго ходить в тиши, молчать и думать о своём. О чём? Наверное, когда он гулял с нами, его мысли были где-то далеко на околоземных орбитах.

Брат говорил, что когда он стал заниматься спутниками, то почувствовал, что появился новый виток истории, словно бы стёрший границу между фантастикой и реальностью. Люди стремились попасть в своеобразный мир фантастики и изучить его.

Юра по натуре был весёлым, живым, общительным человеком, душой компании. Обожал грузинские тосты, которые рассказывал неподражаемо с характерным акцентом. Любил песни, играл на балалайке.

Н.И. Тюлина

Моя память о Г.А. Тюлине

Мы познакомились с Георгием Александровичем летом 1939 г. в Теберде. Судьба посадила нас в столовой за один столик и втянула в весёлые молодёжные игры и соревнования, организуемые отдохавшим там же поэтом Николаем Семёновичем Тихоновым, человеком неиссякаемой энергии и жизнелюбия.

Возможно, если бы не общее застолье и весёлое внимание Тихонова, наши жизни не соединились бы, так много было тому препятствий. В самом деле, Георгию Александровичу в то лето было 24 года, мне – 17; он только что окончил механико-математический факультет МГУ, я перешла в 10-й класс средней школы; он был женат, у него была двухлетняя дочь, я же о замужестве ещё и не помышляла. В довершение он жил в Москве, я – в Ленинграде.

Тем не менее что-то глубоко запало в наши сердца. Вернувшись с Кавказа, мы начали было переписываться, пока, поняв сложность сложившейся ситуации и мою неподготовленность к ней, Георгий Александрович вскоре переписку не оборвал. Но судьбой, видимо, было предназначено продолжение: четыре года спустя мы вновь встретились – в Москве, куда я перебралась с родителями в связи с работой отца ещё летом 1942 г., а Георгий Александрович приехал с фронта домой на короткую побывку. Наши встречи были недолги, но провожала я его через неделю на фронт уже невестой. Однако впереди ещё были несколько лет войны, его долгая послевоенная командировка в Германию и процедура развода, в те годы очень затруднённая, несмотря на то, что обе стороны – и Георгий Александрович, и его жена Тамара Ивановна – были заинтересованы в её скорейшем завершении.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

Наша совместная жизнь началась в мае 1946 г. в Германии. Окраинный район Берлина – Обершеневайде, где размещалось так называемое «Хозяйство Тюлина», утонул в сирени. Машина, на которой меня встречал Георгий Александрович на аэродроме, была забита ветками сирени так, что мне едва нашлось в ней место. Я была первой из жён, прилетевших в Берлин, когда после целого года холостяцкого существования нашим специалистам было разрешено воссоединиться с семьями. На следующий день после прилёта в мою честь был устроен ужин, где я впервые увидела большую (берлинскую) часть нашего великолепного ракетно-космического созвездия: Л.М. Гайдукова, В.П. Глушко, С.П. Королёва, В.П. Мишина, Ю.А. Победоносцева, А.Ф. Тверецкого.

В первые же весенние берлинские вечера и ночи я услышала слова о ракетах, космосе. Сергей Павлович Королёв в ожидании приезда семьи приходил к нам по вечерам, и они с Георгием Александровичем вели беседы, дискуссии и строили всякие космические планы иногда далеко за полночь. Я засыпала под их приглушённые голоса, точно над книгой научной фантастики. Жанр этот я никогда не любила, а перспектива проводов на Марс любимого мужа, с которым я только что наконец воссоединилась, превращала эту нелюбовь в тихую ненависть.

Как и Георгий Александрович до моего приезда, мы жили в одной из комнат в двухкомнатной квартире немолодых немцев по фамилии Ринг. Муж работал на какой-то небольшой, чудом уцелевшей фабрике. Жена – домохозяйка – была первой среди обитателей Обершеневайде, появившейся в советской коммундатуре с просьбой дать ей работу в помощь советским властям. Георгию Александровичу пришло в голову попробовать усовершенствовать свой немецкий язык, и у фрау Ринг, неожиданно для неё самой, открылся педагогический талант. К тому времени, когда мы познакомились, у неё, с его лёгкой руки, целый день был занят уроками. Её муж, явно очень довольный и гордый успехами жены, комично сетовал на то, как трудно быть мужем деловой женщины. Они были бездетны и, годясь нам с Георгием Александровичем в родители, относились к нам с большой теплотой.

В Берлине мы прожили недолго, и это время в моей памяти носит особую праздничную окраску. В самом деле: радость долгожданной встречи, первая годовщина Победы с парадом войск союзников, неожиданная трёхдневная командировка в Москву, поездка на неделю в Тюрингию – край необычайно живописный, куда готовилось перебазирование значительной части «Хозяйства Тюлина».

Месяца через полтора мы переехали в Бляйхероде – тихий, окружённый фруктовыми садами городок, большинство построек которого составляли небольшие двухэтажные коттеджи, а главными достопримечательностями была вилла, на которой перед окончанием войны жил Вернер фон Браун и на которой позже у поселившихся там Чертоков мы большой и весёлой компанией встречали 1947 год, а также вид на гору Брокен, по преданию – знаменитое место встреч всех германских нечистых сил.

Коттедж, где мы разместились, принадлежал скромной немецкой семье Кесслеров – немолодой, молчаливый, болезненного вида отец, тихая труженица мама и три дочери. Старшая – Лиза – была моей ровесницей, мы обе были беременны, и между нами быстро возникла дружба. Средняя Лорхен пе-

реживала юношескую жажду независимости, которая главным образом выражалась в том, что она целыми днями где-то пропадала, а ночи, не желая делить с остальными членами семейства тепло их спален, проводила в собственной чердачной светёлке, где температура осенью и зимой была близка к нулю. Младшая с торжественным именем Гертруда ходила в начальную школу, летом же, когда не было занятий, с утра до вечера сидела на заборе, что-то жуя и болтая ножонками.

Наша жизнь на новом месте началась с эпизода, может быть, на первый взгляд не очень значительного, но характерного для Георгия Александровича и напомнившего мне слова одного его друга, провожавшего меня в Берлин: «Твой Юрий – человек кристальной чистоты». Едва мы устроились в доме у Кесслеров, как вышло предписание, запрещавшее советским сотрудникам жить в одном доме (или квартире) с немцами. Последних следовало немедленно выселять (куда – неизвестно!). В течение двух или трёх дней мы безуспешно пытались найти в Бляйхероде пустующую жилую площадь – всё давно было занято, мы ведь приехали позже большинства других. Но выбрасывать семью ни в чём не повинных людей на улицу мы не считали возможным, и Георгий Александрович объявил по начальству об отказе подчиниться названному предписанию. Как ни странно, отказ был молчаливо принят, и мы остались жить у Кесслеров вплоть до отъезда в Москву.

А осенью, незадолго до нашего отъезда, судьба послала Георгию Александровичу ещё одно, но более трудное моральное испытание. Было принято решение об отправке работавших с нами немецких специалистов с их семьями в Советский Союз. Операция была тщательно продумана и держалась в строжайшей тайне от немцев. Им предполагалось объявить об отъезде неожиданно, ночью, дав на сборы два часа. За несколько дней до назначенной даты Георгий Александрович поделился со мной своей тревогой. Вместе с ним рука об руку работал один молодой немец, с которым у него сложились добрые отношения. Он входил в число эвакуируемых в Союз. У него было трое маленьких детей. Подготовиться такой семье к отъезду за отведённый срок было просто нереально. И Георгий Александрович решил его предупредить. Едва не умирая от волнения и страха за возможные последствия, я, конечно, одобрила его решение. В назначенный день он ушёл из дома ближе к полуночи и вернулся на рассвете после того, как эшелон благополучно тронулся в путь. Предупреждённый немецкий коллега продемонстрировал чёткую организованность в сборах (ещё бы!) и умение ценить оказанное ему доверие. Насколько я знаю, увезённых немцев разместили где-то в районе озера Селигер. Там они прожили и проработали несколько лет, а затем вернулись к себе домой.

В Тюрингии наша жизнь пошла в рабочем повседневном ритме, который время от времени нарушался только короткими поездками в Берлин. Настала пора взаимного познания и притирок. Процесс этот оказался для нас очень непростым, и в итоге вышли мы из него через пять лет побеждёнными, что, наверное, было предreshено раскладом исходных данных. В самом деле, я была целиком во власти огромного обаяния Георгия Александровича, устоять перед которым было трудно. Забавно, что ещё в Теберде он получал записочки от тай-

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

ных воздыхательниц, укоряющих его за внимание к девчонке-школьнице, и мы вместе от души над ними смеялись. Его обезоруживающая улыбка, неиссякаемый юмор, контактность и априорная доброжелательность к людям, способность с лёту оценить любую ситуацию и овладеть ею. Кроме того, его безукоризненный музыкальный слух и чувство ритма – сколько же мы с ним танцевали в наше первое лето! И пришедшая этому на смену комсомольская романтика Николая Островского и фронтовых лет во время нашей второй встречи. Это были каждая по-своему экстремальные ситуации, имевшие мало отношения к повседневной семейной жизни.

Я думаю, что вступать в брак должны люди, являющиеся «куликами с одного болота», т.е. получившие сходное воспитание, выросшие в сходной обстановке. Этого у нас с Георгием Александровичем не было. Очень сильная во мне потребность в домашнем очаге, преодолевавшая все каверзы жизни, ребёнке как главном её цементирующем элементе, ему не была свойственна. Я была человеком многих, хотя не всегда глубоких, интересов, он же имел «одну, но пламенную страсть» – свою работу, которая поглощала его ум, сердце и физические силы целиком, без остатка.

Сам того не ведая, в те памятные берлинские вечера и ночи Королёв заронил в меня зерно жгучей ревности к тому, что в дальнейшем составило смысл жизни моего мужа. Позже был увлекательный рассказ Сергея Павловича о космических перспективах, которым он сопровождал показ мне «живой» V-2, хранившейся в Бляйхероде (подумать только, сам Королёв показывал и рассказывал всё это мне, только одной мне, индивидуально!). Было испытание ракетного двигателя в Леестене, которое я наблюдала не из бункера, а «на чистом воздухе» в непосредственной близости, и которое осталось одним из самых ярких впечатлений моей жизни. Но это всё не изменило сути дела. В работе Георгия Александровича, в обстановке и окружающих его людях для меня всегда таилось нечто противостоящее полнокровному течению нашей семейной жизни.

Позже, после развода я как-то сказала Георгию Александровичу, что, сколько бы раз я ни встречалась с ним в жизни, каждый раз неминуемо в него заново влюблялась бы, но и каждый раз неминуемо снова терпела бы крах.

Наш брак продлился пять лет. Но, несмотря на его краткость и бурное течение, он не лишил нас возможности сохранить на всю жизнь теплоту дружеских отношений. Даже наш развод был романтичен: свидетельство о расторжении брака Георгий Александрович вручил мне вместе с огромным букетом роз, получив в качестве ответного дара бутылку самого лучшего по тем временам коньяка.

Ради справедливости надо сказать, что в сохранении между нами таких отношений огромная роль принадлежала моим родителям. Они не позволили ни возникшим между нами ссорам, ни окончательному раздору отразиться на их взаимоотношениях с Георгием Александровичем, до конца своей жизни они были его верными и глубоко почитаемыми им друзьями. Мой отец был первым человеком, к которому Георгий Александрович всегда шёл за советом. Мамиными руками был создан пьедестал, на котором он стоял в глазах нашего сына.

Будучи женой Георгия Александровича, я имела возможность наблюдать и познавать его не только в наших с ним отношениях, но и в деловом, профес-

сиональном ракурсе. Характер у него был непростой, неуравновешенный, крутой. Работал он до самоотречения, не щадя ни себя, ни других. Чувство ответственности выше всякой меры, до дотошности и потери покоя. Человек, имеющий с ним дело, мог чувствовать себя как за каменной стеной, в полной безопасности – всё будет предусмотрено, проконтролировано и доведено до конца (это свойство полностью унаследовал наш сын!). Но зато и спрос с других людей измерялся той же меркой. А поскольку соответствовать такой мерке могут лишь немногие, неминуемо недоверие, раздражение, затрудняющие человеческие взаимоотношения. Работать с таким человеком нелегко, но и ему самому ох как трудно! Таких людей единицы. Но именно на них держится жизнь.

Г.Г. Чернянская

Военно-спортивный режим

Во время войны 1941–1945 гг. я находилась в эвакуации в Сибири. Сначала – с бабушкой и тетей, затем – с мамой*, которая перед самой войной начала работать в геолого-разведочной экспедиции в Хакасии. Летом 1945 г. отец прислал за мной сержанта – надо было поступать в школу. После своего назначения в НИИ-4 отец забрал меня к себе. Так началась жизнь нашей маленькой семьи.

Распорядок дня был военно-спортивным, одежда – форменной. Школа находилась в Подлипках (ныне г. Королёв). Автобус ходил редко, и часто приходилось добираться пешком через Комитетский лес. Только в очень плохую погоду отец подвозил меня на машине и останавливал её далеко от школы.

Управляться с хозяйством нам помогала одна знакомая старушка – Лидия Михайловна. Иногда она ночевала в кухне на раскладушке. В такие вечера мы ходили на цыпочках и говорили шёпотом, а спать ложились голодными, так как в кухню войти было нельзя. Потом отец договорился с Лидией Михайловной, чтобы та оставляла нам на столе кефир и хлеб.

По утрам отец делал гимнастику и принимал холодный душ. На территории городка был небольшой пруд. Зимой кто-то из офицеров проделал во льду прорубь, а поперек неё положил бревно, чтобы можно было окунаться. Однажды в выходной день отец надел сапоги на босу ногу, накинул шинель, взял топорик и побежал на пруд. Что там произошло, мне неизвестно, но вернулся он быстро и весь мокрый. Целый день он был весел, а вечером пришли гости, и все смотрели на него, как на героя.

Сама я была «освобождена» от закаливания в проруби по причине хронического тонзиллита. Но по вечерам и в выходные мы обязательно ходили на лы-

*Дед по отцу – Тюлин Александр Фёдорович, профессор агрохимии; тётя (сестра отца) – Тюлина Маргарита Александровна, кандидат наук; мама – Тюлина Тамара Ивановна, геолог. Мой сын Сергей пошёл по стопам прадеда, он почвовед, кандидат наук, работает в МГУ.

Раздел VI. СРЕДИ БЛИЗКИХ И ДРУЗЕЙ

жах. Мой тонзиллит мешал отцу больше, чем мне. Однажды вечером, когда мы с подружкой выходили из нашего клуба, я вдруг увидела машину, из которой вышел отец. Он сказал, что надо съездить в Мытищи на процедуру к отоларингологу. Так я оказалась в больнице, а утром следующего дня уже была без гланд и, соответственно, без тонзиллита.

Вообще, несмотря на нехватку времени, отец успевал заниматься спортом и бывать со мной в московских театрах. Раз в месяц мы ездили в Москву за продуктами в «Прагу» и «Армению». В такие дни у нас дома устраивался «приём». Самыми близкими друзьями отца были Г.С. Нариманов и Ю.А. Мозжорин. Жили они рядом, у обоих было по двое маленьких детей. Поэтому собирались все у нас, а жёны бегали каждый час проверять, как там дети.

Было весело, пели фронтовые песни, отец аккомпанировал на фортепиано. Сочиняли частушки. Одну я запомнила, в ней фигурировали фамилии папиных сослуживцев:

Были мы у Нестеренко,
А потом пошли к Петренко.
Гай, Грай, Делебаж,
Пойда, Бройда и Габяж.

Часто гуляли по вечернему городку, по единственной широкой дороге, которая называлась Килиништрассе. И бесконечные воспоминания, и рассказы о войне, которая не давала забыть о себе.

В 1956 г. я поступила в МПТИ, а папа женился. Мы с Таней жили в одной комнате и были подругами. Она была очень доброй девочкой. Однажды я опаздывала на свидание, а моё выходное платье было мокрым после стирки, и Таня, переживая за меня, решила его подсушить над газом. Оно обгорело. Были слёзы и крики. Но папе ничего не сказали. Мы с Таней были солидарны.

В 1960 г. мы переехали в Москву.

А.Ф. Штрингиль

Неординарность натуры

О Г.А. Тюлине я впервые услышал, когда в середине 1960-х годов был приглашён на работу в НИИ-88, позднее превратившийся в знаменитый ЦНИИмаш – головной институт ракетно-космической промышленности. Наряду с научно-исследовательской работой многим из нас постоянно приходилось участвовать в выполнении оперативных поручений Министерства общего машиностроения, львиная доля которых исходила от первого заместителя министра, курировавшего институт.

Выполнять поручения Георгия Александровича всегда было сложно, лёгких заданий он не давал. И только с годами начинаешь осознавать, насколько важно пройти подобную жизненную школу. Не случайно из этой среды выросли и превратились в высококлассных специалистов в области космонавтики

В.П. Сенкевич, Е.С. Глубоков, А.Ф. Евич, А.А. Еременко, В.В. Алавердов и многие другие.

Лично Георгия Александровича я узнал значительно позднее, когда он уже вышел на пенсию, и был близко знаком с ним почти десять лет. Если он когда и был жёстким, то этого, очевидно, требовали обстоятельства и лежавшая на нём высокая ответственность. В спокойной домашней обстановке это был обаятельный, добрый и улыбчивый человек. И даже генеральская форма с полным «иконостасом» не делала его более суровым.

Не знаю, трудолюбие и самоорганизация – «условный или безусловный рефлекс», но Георгий Александрович обладал ими в полной мере. Практически всё свободное время он проводил за рабочим столом: готовился к занятиям в МГУ, писал и рецензировал статьи или занимался своими любимыми дифференциальными уравнениями. Его деятельная натура не признавала пассивного отдыха.

Георгий Александрович никогда не жаловался на сравнительно ранний уход на пенсию и только по косвенным признакам и вздохам Валентины Михайловны можно было понять, как он тосковал по своему прошлому и сопереживал событиям, происходящим в ракетно-космической отрасли. Его творческий и организационный потенциал не был исчерпан до конца. Но это моё личное мнение.

Георгий Александрович и Валентина Михайловна были очень гостеприимными и хлебосольными людьми. Всегда радовались приходу гостей и основательно к этому готовились. Кулинарные способности Валентины Михайловны хорошо известны в кругу её знакомых. Но главной во время застолья была «духовная пища». Меня поражало, насколько разносторонними были интересы и знания Георгия Александровича. Он мог поддержать беседу на любую тему. Оппонировать ему было практически бесполезно: богатый образный язык, чёткая аргументированная логика и знания убеждали каждого.

Всё, с чем Георгий Александрович когда-нибудь сталкивался, оставалось в его памяти на всю жизнь. Он помнил всё и всех: события, житейские эпизоды, людей, которых знал в различные годы, деревья, птиц. Большинство из нас могут уверенно отличить голоса двух птиц: карканье вороны и трель соловья. Георгий Александрович узнавал голоса всех птиц, которые пели или чирикали на даче в Подмоскowie. А интересовался этим он ещё в детские годы, когда жил в Перми.

Шли годы, реже стали звонить и приходиться в гости бывшие соратники. Меньше всего в этом виноваты Георгий Александрович и Валентина Михайловна. Очевидно, такова жизнь. Но по-прежнему оставались их верными друзьями Труфановы Юрий Николаевич и Люция Михайловна и Суэтины Александр Иванович и Александра Ивановна.

Стал бы Георгий Александрович руководителем такого масштаба в нынешние дни при его заряженности на конкретные дела, честности и бескомпромиссности? Мне кажется, нет. Но в одном я уверен: неординарность и одарённость натуры обязательно проявили бы себя. Он мог быть учёным, музыкантом, конструктором или кем-то другим, но в любом случае – талантливым и известным. Однако это была бы уже другая жизненная история.

Жизненный и трудовой путь Георгия Александровича Тюлина

9 декабря 1914

Родился в городе Пенза. Родители: отец Тюлин Александр Фёдорович (1885–1955) – дипломированный специалист по агропочвоведению, мать Тюлина (урожд. Сердобольская) Вера Павловна (1886–1977) – преподаватель географии в женской гимназии.

1930

Окончание семилетки в г. Пермь.

1932

Окончание ФЗУ при паровозоремонтном заводе им. А.А. Шпагина (г. Пермь) и получение пятого (высшего) разряда токаря-железнодорожника. Отъезд в Москву.

1932–1933

Учёба на рабфаке при Московском институте механизации и электрификации сельского хозяйства.

1933–1938

Учёба на мехмате МГУ, окончание университета с красным дипломом по специальности «аэродинамика». С третьего курса работал препаратором лаборатории аэродинамики МГУ по хоздоговору с НИИ-3 по тематике С.П. Королёва. Вступление в брак с Тамарой Ивановной Южаниной, лаборанткой биофака МГУ (1936).

1939 – июнь 1941

Учёба в аспирантуре Института механики МГУ под руководством члена-корреспондента АН СССР В.В. Голубева. Работа над диссертацией по тематике вихревого сопротивления самолёта. Работа (по совместительству) ассистентом кафедры «Теоретическая механика» в Московском институте механизации и электрификации сельского хозяйства.

Июнь 1941 – июнь 1944

Боевые годы: прошёл путь от командира батареи «катюш», лейтенанта до начальника штаба армейской оперативной группы ГМЧ, майора. Награждён боевыми наградами: 7 орденами (3 – Красной Звезды, 1 – Красного Знамени, 2 – Отечественной войны II и I степени, 1 – Александра Невского) и медалями.

Июнь 1944 – май 1945

Вызов в Москву, назначение старшим помощником начальника 5-го отдела Главного управления Командующего артиллерией Красной Армии.

Май 1945 – февраль 1947

Командировка в поверженную Германию для ознакомления с ракетными трофеями и отправки их в СССР. Координация действий первых групп команди-

ЖИЗНЕННЫЙ И ТРУДОВОЙ ПУТЬ Г.А. ТЮЛИНА

рованных в Германию советских специалистов-ракетчиков («Хозяйство Тюлина») в звании подполковника. Участие в наблюдении за опытным пуском ракеты ФАУ-2 (группа советских наблюдателей: А.И. Соколов, С.П. Королёв, Г.А. Тюлин, Ю.А. Победоносцев, В.П. Глушко). Назначение начальником расчётно-теоретического бюро в институте «Нордхаузен» (директор – генерал Л.М. Гайдуков, главный инженер – С.П. Королёв). Издание работы «К расчёту траектории изделия А-4» в соавторстве с И.В. Ливартовским. Вступление во второй брак с Наталией Ивановной Одинг, библиографом Библиотеки им. В.И. Ленина, после замужества – Тюлиной (Берлин, 1946). Возвращение в Москву.

Февраль 1947 – март 1948

Назначение начальником баллистического отдела в 4 ГУ ГАУ Советской Армии. Участие в 11 запусках ракеты ФАУ-2 на полигоне Капустин Яр. Личное участие в подготовке отчёта и доклада правительству о результатах пусков.

Март 1948 – март 1949

Перевод в НИИ-4 Академии артиллерийских наук. Должности – начальник аэродинамической лаборатории, начальник отдела теории полёта. Участие в ЛКИ первой советской РДД Р-1 в Капустином Яре.

Март 1949

Назначение заместителем начальника НИИ-4 по научной части. Присвоено воинское звание инженер-полковник.

1950

Защита кандидатской диссертации на тему «Некоторые вопросы внешней баллистики управляемых ракет дальнего действия».

1950–1959

Участие в ЛКИ советских РДД Р-2, Р-5, Р-5М (с атомной боеголовкой), в запуске первой МБР Р-7 (21 августа 1957 г.) и первого ИСЗ (4 октября 1957 г.). Научное руководство созданием полигонного измерительного комплекса (ПИК) на Байконуре, научное руководство работами по наземному и плавучему командно-измерительному комплексу на начальном этапе. Вступление в третий брак с Валентиной Михайловной Рыжиковой, инженером НИИ-4 (1956), после замужества – Тюлиной.

18 декабря 1957

Присуждение Ленинской премии.

30 декабря 1958

Присуждение учёной степени доктора технических наук.

3 августа 1959

Назначение директором НИИ-88 по приказу председателя ГКОТ К.Н. Руднева. Основные усилия направлены на задействование и развитие экспериментальной базы, создание ВЦ, послужившего зародышем будущего ЦУПа, превращение института в головную исследовательскую организацию отрасли.

ЖИЗНЕННЫЙ И ТРУДОВОЙ ПУТЬ Г.А. ТЮЛИНА

29 сентября 1960

Распоряжением СМ СССР определены основные задачи и направления деятельности НИИ-88 как головной организации ракетно-космической отрасли и утверждён план перспективных работ НИИ-88 на пятилетку 1961–1965 гг.

15 апреля 1961

Решением Высшей аттестационной комиссии утверждён в учёном звании профессора по кафедре «Ракетная техника». В 1961 г. присвоено воинское звание генерал-майора инженерно-технической службы.

17 июня 1961

Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина «За выдающиеся заслуги в создании образцов ракетной техники и обеспечение успешного полёта советского человека в космическое пространство». В дальнейшем (1962–1975 гг.) за трудовые подвиги был награждён вторым орденом Ленина, орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, медалями.

Август 1961

Назначение на должность заместителя председателя ГКОТ.

Август 1962

Назначение председателем госкомиссии по проведению запусков пилотируемых космических кораблей.

Октябрь 1962

Назначение председателем госкомиссии по запуску межпланетной станции «Марс-1» (запуск состоялся 1 ноября 1962 г., до 21 марта 1963 г. со станцией был проведён 61 сеанс связи).

Июнь 1963

Полёт пилотируемых космических кораблей «Восток-5» (В.Ф. Быковский) и «Восток-6» (В.В. Терешкова), подготовленных госкомиссией во главе с Г.А. Тюлиным.

Июнь 1963

Назначен на должность первого заместителя председателя ГКОТ.

Октябрь 1964

Полёт трёхместного космического корабля «Восход» (В.М. Комаров, К.П. Феоктистов, Б.Б. Егоров), подготовленного госкомиссией во главе с Г.А. Тюлиным.

Март 1965

Полёт космического корабля «Восход-2» (П.И. Беляев, А.А. Леонов) с выходом космонавта из корабля в открытый космос. Готовила полёт госкомиссия во главе с Г.А. Тюлиным.

Март 1965

Образование Министерства общего машиностроения (МОМ). Назначение на должность первого заместителя министра общего машиностроения.

13 января 1966, поздний вечер

Последний разговор по телефону с С.П. Королёвым, находившимся в кремлёвской больнице.

Февраль 1966

Мягкая посадка на Луну автоматической станции «Луна-9», передавшей на Землю телепанораму лунной поверхности. Подготовлена к полёту госкомиссией во главе с Г.А. Тюлиным.

1966–1972

Председатель государственных комиссий по запускам автоматических лунных аппаратов серии «Луна» (доставка лунного грунта на Землю, луноходы, искусственные спутники Луны) и серии «Зонд» (облёт Луны с отработкой пилотируемого корабля Л1 и нового носителя УР-500К, или «Протон»).

1972–1975

Председатель Межведомственного координационного совета по обеспечению программы «Союз – Аполлон».

1976

Выход на пенсию в звании генерал-лейтенанта-инженера.

1977

Начало работы на мехмате МГУ старшим научным сотрудником (на полставки), кафедра газовой и волновой динамики.

1979

Г.А. Тюлин организовал при кафедре и возглавил «Проблемную лабораторию волновых процессов», по аналогии с которой были организованы ещё шесть лабораторий, которые в совокупности образовали отдел прикладных исследований по математике и механике во главе с ректором МГУ, академиком РАН В.А. Садовничим.

1976–1990

Заместитель председателя Комиссии АН СССР по разработке отечественного научного наследия пионеров освоения космического пространства, сопредседатель секции пионеров космонавтики ежегодных Королёвских чтений.

1984

Удостоен почётного звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

22 апреля 1990

Умер в Москве. Похоронен на Кунцевском кладбище.

Авторы воспоминаний*

АЛАВЕРДОВ Валерий Владимирович – первый заместитель генерального директора Росавиакосмоса, директор организации «Агат»;

АЛЕКСЕЕВ Эдуард Викторович – начальник 50 ЦНИИ МО, главный научный сотрудник 4 ЦНИИ МО РФ;

АНФИМОВ Николай Аполлонович – генеральный директор ЦНИИмаш;

АПАЗОВ Рефат Фазылович – начальник отдела баллистики НПО «Энергия» (ныне – РКК «Энергия»), профессор Московского авиационного института;

БАЖИНОВ Игорь Константинович – руководитель баллистического центра ЦУП ЦНИИмаш, ныне – главный научный сотрудник ЦНИИмаш;

БАЛЬМОНТ Борис Владимирович – первый заместитель министра общего машиностроения, министр станкоинструментальной промышленности;

БЕРМАН Яков Рафилович – профессор МГУ;

БЛОХИН Борис Дмитриевич – главный инженер отделения ЦНИИмаш;

БРОВКО Иван Бенедиктович – фронтовой друг Г.А. Тюлина;

БРУСИЛОВСКИЙ Александр Давидович – ведущий научный сотрудник ЦНИИмаш;

БУРМАКИНА Татьяна Георгиевна – дочь Г.А. Тюлина;

ВАЧНАДЗЕ Вахтанг Дмитриевич – начальник ГУ Минобщемаша СССР, генеральный директор НПО «Энергия»;

ВОЛОГОДСКИЙ Вадим Борисович – начальник лаборатории ЦНИИмаш;

ГАНКЕВИЧ Аркадий Викторович – главный специалист Минобщемаша СССР;

ГРИБАНОВ Виталий Фёдорович – начальник ГУ Минобщемаша СССР;

ГУБАНОВ Игорь Германович – начальник лаборатории ЦНИИмаш;

*В подавляющем большинстве случаев указаны должности, которые авторы воспоминаний занимали в прошедшие годы жизни.

ДЕМЬЯНОВ Юрий Андреевич – начальник отделения ЦНИИмаш, ныне – профессор МГУ;

ДОРОЖКИН Николай Яковлевич – старший научный сотрудник ЦНИИмаш, член Союза писателей РФ;

ЕВИЧ Анатолий Филиппович – начальник отделения, ныне – ведущий научный сотрудник ЦНИИмаш;

ЕРЁМЕНКО Анатолий Андреевич – начальник отдела, ныне – ведущий научный сотрудник ЦНИИмаш;

ЖЕЛИГОВСКИЙ Александр Владиславович – профессор Московской государственной академии приборостроения и информатики;

ЗВЯГИН Александр Васильевич – доцент, учёный секретарь кафедры газовой и волновой динамики МГУ;

ИШЛИНСКИЙ Александр Юльевич – директор Института проблем механики РАН и завкафедрой МГУ;

КАВЕЛИН Сергей Сергеевич – заместитель главного конструктора КБ космических аппаратов ГКБ «Южное» им. М.К. Янгеля (Днепропетровск);

КАНТЕМИРОВ Борис Николаевич – научный сотрудник НИИ-4 МО СССР, ныне – старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН;

КИРСАНОВ Николай Васильевич – профессор МГУ, истфак;

КОВАЛЬ Александр Денисович – начальник отделения ЦНИИмаш;

КОПТЕВ Юрий Николаевич – генеральный директор Росавиакосмоса;

КОСТРЮКОВ Иван Васильевич – главный инженер НИИ-88 (позже – ЦНИИмаш);

КУКСЕНКО Борис Владимирович – доцент МГУ, мехмат;

МАРОВ Михаил Яковлевич – заведующий отделом Института прикладной математики РАН;

МЕЩЕРЯКОВ Иван Васильевич – начальник НИИ-50 космических систем, ныне – вице-президент РАКЦ;

АВТОРЫ ВОСПОМИНАНИЙ

МИЛИЦИН Альберт Васильевич – начальник ЦУП ЦНИИмаш, научный консультант ЦУПа, профессор Московского лесотехнического института;

МОЗЖОРИН Юрий Александрович – директор НИИ-88 (позже – ЦНИИмаш);

ОМЕЛИЧ Виктор Моисеевич – инженер НИИ-88, ведущий инженер организации «Агат»;

ПОКРОВСКИЙ Борис Анатольевич – заместитель начальника и ветеран КИК;

ПРОЗОРОВ Николай Петрович – многолетний друг Г.А. Тюлина, участник Великой Отечественной войны;

РАБИНОВИЧ Борис Исаакович – начальник лаборатории ЦНИИмаш;

РЕБРОВ Михаил Фёдорович – журналист («Красная звезда»);

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович – ректор МГУ;

САМСОНОВ Владимир Константинович – начальник отдела, научный консультант ЦУП ЦНИИмаш;

СЕНКЕВИЧ Владимир Петрович – начальник научно-проектного комплекса ЦНИИмаш, президент РАКЦ;

СМИРНОВ Николай Николаевич – профессор МГУ, мехмат;

СУЭТИН Александр Иванович – заместитель начальника ГУ МО СССР, фронтовой друг Г.А. Тюлина;

ТАРАН Юрий Михайлович – референт Г.А. Тюлина, заместитель директора организации «Агат»;

ТВЕРЕЦКИЙ Александр Фёдорович – заместитель командующего ракетной артиллерией фронта во время войны, в последующем командовал бригадой особого назначения, осуществлявшей пуски первых советских РДД;

ТИМОФЕЕВ Анатолий Дмитриевич – ведущий научный сотрудник ЦНИИмаш;

ТИМОФЕЕВА Галина Николаевна – инженер НИИ-4 МО СССР;

ТРУФАНОВ Юрий Николаевич – главный инженер 3 ГУ Минобщемаша, заместитель генерального директора – главный конструктор НПО «Молния»;

ТЮЛИН Иван Георгиевич – сын Г.А. Тюлина;

ТЮЛИНА Ирина Александровна – сестра Г.А. Тюлина;

ТЮЛИНА Маргарита Александровна – сестра Г.А. Тюлина;

ТЮЛИНА Наталия Ивановна – жена Г.А. Тюлина;

УСПЕНСКИЙ Георгий Романович – заместитель начальника комплекса ЦНИИмаш;

ЧЕРНЯНСКАЯ Галина Георгиевна – дочь Г.А. Тюлина;

ЧЕРТОК Борис Евсеевич – главный научный консультант РКК «Энергия» им. С.П. Королёва;

ШТРИНГИЛЬ Анатолий Фёдорович – ответственный работник Госплана СССР и Министерства экономики РФ.

Принятые сокращения

БНО	баллистико-навигационное обеспечение;
БОН	бригада особого назначения;
БР	баллистическая ракета;
БРТ	боевая ракетная техника;
ВАК	Высшая аттестационная комиссия;
ВИУАА	Всесоюзный институт удобрений, агрохимии и агропочвоведения;
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков);
ВПК	Военно-промышленная комиссия;
ВЦ	вычислительный центр;
ГАУ	Главное артиллерийское управление;
ГДЛ	газодинамическая лаборатория;
ГИПХ	Государственный институт прикладной химии;
ГИРД	группа изучения реактивного движения;
ГМЧ	гвардейская (-ие) миномётная (-ые) часть (-и), т.е. военная часть, вооружённая батареями ракетных снарядов («катюшами»);
ГКОТ	Государственный комитет оборонной техники;
ГРУ ГШ	Главное разведывательное управление Генерального штаба;
ГТЭ	газотурбинная электростанция;
ГУВ	Главное управление вооружения;
ДМГ	диметилгидразин (горючее);
ЖРД	жидкостный ракетный двигатель;
ЗЭМ	Завод экспериментального машиностроения;
ИП	измерительный пункт;

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСЗ	искусственный спутник Земли;
ИСЛ	искусственный спутник Луны;
КА	космический аппарат;
КБ	конструкторское бюро;
КБОМ	Конструкторское бюро общего машиностроения;
КВО	космическое вооружение;
КВЦ	координационно-вычислительный центр;
КИК	командно-измерительный комплекс;
КК	космический корабль;
ЛИ	лётные испытания;
ЛКИ	лётно-конструкторские испытания;
МАИ	Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе;
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета;
МВТУ	Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана;
МГИМО	Московский государственный институт международных отношений;
МГУ	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
МИК	монтажно-испытательный корпус;
МИМЭСХ	Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства;
МИНОБОРОНЫ,	
МО	Министерство обороны;
МИНОБЩЕМАШ,	
МОМ	Министерство общего машиностроения;
МТКС	многоцветная транспортная космическая система;
МФТИ	Московский физико-технический институт;

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НИИ	научно-исследовательский институт;
НИП	наземный измерительный пункт;
НИР	научно-исследовательская работа;
НКИК	наземный командно-измерительный комплекс;
НПО	научно-производственное объединение;
НТК	научно-технический комитет;
НТС	научно-технический совет;
ОКБ	особое конструкторское бюро;
ОТИ	огневые технологические испытания;
ПАД	пороховой аккумулятор давления;
ПВО	противовоздушная оборона;
ПИК	полигонный измерительный комплекс;
ПРО	противоракетная оборона;
ПУВД	полуавтоматическое устройство (пульт управления) ввода данных;
РАКЦ	Российская академия космонавтики им. К.Э. Циолковского;
РВСН	Ракетные войска стратегического назначения;
РГЧ	разделяющаяся головная часть;
РД	ракетный двигатель;
РДД	ракета дальнего действия;
РКТ	ракетно-космическая техника;
РЛА	реактивный летательный аппарат;
РН	ракета-носитель;
РНИИ	Реактивный научно-исследовательский институт;
РС	ракетный снаряд;
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия;

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РТБ	расчётно-теоретическое бюро;
РУ	радиоуправление;
СА	спускаемый аппарат;
САПР	система автоматизированного проектирования;
ТБ	тяжёлый бомбардировщик;
ТДУ	тормозная двигательная установка;
ТРД	турбореактивный двигатель;
ТСХА	Тимирязевская сельскохозяйственная академия;
УАС	установка адиабатического сжатия;
ФАУ-2	(по-немецки V-2 от слова Vergeltung – «возмездие») – баллистическая ракета;
ЦАГИ	Центральный аэрогидродинамический институт им. Н.Е. Жуковского;
ЦИАМ	Центральный институт авиационных материалов;
ЦКБМ	Центральное КБ машиностроения;
ЦКБЭМ	Центральное КБ экспериментального машиностроения;
ЦНИИмаш	Центральный научно-исследовательский институт машиностроения;
ЦПИ-31	Центральный проектный институт;
ЦУП	Центр управления полётами (в ЦНИИмаш);
ШПУ	шахтная пусковая установка;
ЭРДУ	электроракетная двигательная установка;
ЯЭРД	ядерный электроракетный двигатель.